

Отдельные номера в Петроградѣ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ (65) коп., в провинціи СЕМЬДЕСЯТЬ (70) коп., на станц. жёл. дор. 75 коп.

ОГОНЬКЪ

№6 — 1918 г.

СОВРЕМЕННЫЕ КРУГИ ДАНТОВА АДА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ И РОССІИ.

Охваченные горемъ и нуждой.

Рисунокъ для «Огонька» худ. М. РОШКОВСКАГО.

ВЫДАЧА „ОГОНЬКА“ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ: въ типографіи журнала

(Государственная Типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора),
въ Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“—Невскій пр., 50
и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“ Галерная, 63, кв. 2, комната 4.

Болодный Петроградъ.

(Какъ питается столица).

Очеркъ АВГУРА.

рисунки для „Огонька“ худ. Б. АНТОНОВСКАГО.

Поражаетъ убогость главныхъ улицъ п «першпективъ» опальной столицы.

Три четверти магазиновъ, торговавшихъ уточенными гастрономическими товарами, теперь украсились какими-то ситцевыми вывѣсками, на которыхъ колеблемая вѣтромъ покачиваются красной, самой красной, какъ клешня рака, «выписанные титулы».

Увы, «титулы» вездѣ и всюду до монотонности одни и тѣ же.

«Восточныя сладости».

«Самыя лучшія греческія привозныя сладости».

«Тахинная-орѣхово-шоколадная халва и маги».

И даже такая вывѣска, но уже не на позорно и жалко-обнищавшемъ Невскомъ, а гдѣ то, помнится, на Моховой: «куриный бульонъ въ кубикахъ—питательно, дешево и вкусно». Таковы вывѣски.

Что-же касается самихъ товаровъ, то они представляются—въ скуднѣйшемъ своемъ количествѣ—только копией, что ли или пробой, присланной юркимъ коммивояжеромъ изъ сытыхъ провинціальныхъ мѣстъ.

Полюбуйтесь, молъ, какъ живутъ въ Тюмени, Одессѣ и Обояни.

* * *

Невскій. Внушительный, позолоченный «входъ».

Мраморное сіяніе массивныхъ лотковъ.

На лоткахъ сихъ столь недавно красовались этакіекопченые «левіафаны»,—золотые сѣти, нѣжная форель, въ стеклянныхъ притертыхъ банкахъ—кефальная икра.

Теперь въ прохладѣ огромной лавки, притаившись, какъ паукъ-крестовикъ, сидитъ торговецъ съ тревожно-лукавымъ видомъ.

Кругомъ него полки такъ же пусты, какъ полки въ вострессной банѣ, когда нѣтъ ни одного моющагося.

Кучка папиросъ въ финской линючей упаковкѣ.

Кучка нашихъ-же папиросъ и спичекъ шведскаго производства.

Горка шоколадныхъ сѣро-зеленаго оттѣнка обломковъ.

«Бѣлевская» насгила на пошехонской патокѣ, пахнущая кислымъ картофельнымъ пюре.

И этотъ запасъ, цѣною ровно въ три рубля, видать, отлично и покойно покрываетъ огромную аренду магазина и аппетиты продавца.

Каковы же его заработки? Баснословны!

Въ пустомъ магазинѣ толкуютъ съ утра до ночи люди ищущіе хотя-бы иллюзии сытости. Дѣло «крестовика» идетъ бойко.

* * *

Въ окрестностяхъ Сѣнной площади отложился, какъ соль на морскихъ берегахъ, совершенно новый типъ торговаго «класса».

Не поймешь, не то мѣшечники, не то контрабандисты, не то смѣсь того и другого и еще чего то третьяго.

У воротъ, протянувъ въ старой газетѣ, дохлаго, лимоннаго цвѣта гусака, стоитъ этакій дядя съ разбойничьей рожей и просительной улыбкой на денатуратныхъ устахъ.

Въ другихъ воротахъ-дверяхъ, обитыхъ жестью и окровавленныхъ ста-

рыми, протаскиваемыми тушами, стоитъ тоже такой «милсдаръ», въ ворованной козачьей папахѣ и съ наглыми глазами.

На протянутыхъ рукахъ у него либо два тонкихъ, какъ лезвіе ножа, цыпленка съ лиловыми кровоподтеками отъ гнилости, либо пара бѣлыхъ сибирскихъ куропатокъ, разящихъ «на разстояніе трамвайной остановки»—разложениемъ.

* * *

...Вы ничего не покупаете у этого чловѣка, но онъ ничуть не смущается и въ психологическій моментъ, оборвавъ расхваливаніе товара, вдругъ, перекосившись лицомъ, таинственно вамъ папештываетъ прямо на ухо:

— Баринъ, а баринъ! Хотите отлично провести время... за столомъ. Накормлю, что въ моемъ «Мало-Ярославцѣ» кор-

мили допреждъ... А?! Только мигните глазомъ!

— Хочу, понятно!

— Такъ, такъ! А чего-бы вы, какъ сказать, покушали? Хотите индюшка размѣромъ, не совратъ, съ ягненка, право-слово?! Заливная, сочная, насквозь на три аршина видать—скрозь жирокъ?

Али вотъ парной теленокъ, молокомъ поенный?

Яйца есть. Колбаса сырая для запеканки! Окорочекъ «тамбовскій», вареный! Руляда изъ поросятинки и съ желточкомъ!

Если вы дадите субъекту разрѣшеніе «смотаться», онъ исчезнетъ мгновенно, тонетъ тутъ-же на площади или позади корпусовъ за «свинными лавками» (?!), какъ это прямо такъ и значитъ на вывѣскахъ, и приноситъ вамъ требуемое.

Качество, дѣйствительно отлѣнное, какъ и—сама цѣна.

Оказывается, въ частныхъ квартирахъ для того и снятыхъ, рядъ комнатъ, гдѣ прежде стояла стильная мебель и рояль съ искусственными пальмами, набили крюки и развѣсили живность.

Торговля идетъ болѣе, чѣмъ успѣшно.

* * *

Четыре тысячи десятинъ огородовъ ляжетъ этой весной на пустыряхъ столицы.

Года два назадъ мы любовались любительски поставленнымъ огородничествомъ гор. инж. Махина. На отбросахъ

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

312 2
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ОГОНЬКЪ
Годъ изданія 11-й.

312
Цена „Огонька“
въ розничной продажѣ:
въ Петроградѣ 65 коп.
въ Петроградѣ 70 коп.
на ст. жел. дор. 75 коп.
—
Редакція „Огонька“
Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 6

Воскресенье, 14 (1) апрѣля 1918 г.

№ 6

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

РЪДЕТЪРШЕ
ЛИСТЪЯ

Поэмы въ прозѣ

Вас. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

I.

Саваны жизни.

Жизнь такъ темна и ужасна!
Зачѣмъ же ты отнимаешь у нея мечту
и сказку?

Ты говоришь: это вѣчная и трусливая ложь.

Но если съ нею легче дойти до могилы?

Ты называешь мечту саваномъ жизни.

Развѣ лучше было бы обнажить ея трупъ съ гніющими ранами, въ которыхъ кишатъ отвратительные бѣлые черви? Нѣтъ! Сдѣлайте саванъ ярче, красивѣе. Не жалѣйте для него золотыхъ вымысловъ и жемчужныхъ грёзъ.

Истина нужна ученому.

Намъ, поэтамъ, не ужиться съ голой, холодной и безобразной правдой безпощадной жизни.

Да и ученый, развѣ онъ знаетъ истину?

Гдѣ ея предѣлы? Можетъ ли онъ отвѣтить на вопросъ — «почему?», когда онъ молчитъ или какъ слѣпецъ путается, когда его спрашиваютъ — «какъ?»

Микроскопъ совершенствуется, какъ и телескопъ. Первый раздвигаетъ царство нашего знанія въ необъятной области безконечно малаго, второй безконечно большаго.

А люди все несчастнѣе и все больше и больше нуждаются въ яркихъ саванахъ жизни.

Не кляните поэта, который шьетъ ихъ. Безъ него, безъ мечты и сказки чело-

Патруль германскихъ уланъ, охраняющій порядокъ на улицахъ Нарвы
(4 ч. 15 м. отъ Петрограда по жел. дор.).

Рисунъ съ натуры для „Огонька“ худ. С. ЛУЗАНОВА.

вѣчество давно бы перевѣшалось. Пенки не хватило бы ему на веревки. Приговоренный къ смерти, коротая бессонную ночь передъ казнью, воображаетъ себя царемъ, завоевателемъ, великимъ артистомъ, обновителемъ человѣчества, спасителемъ міра.

Это ему помогаетъ забыть роковое утро, хотя за стѣною его тюрьмы уже зловѣще стучать молотки.

Тамъ строить эшафотъ.

Не отнимайте у «смертника» послѣднюю радость.

А развѣ всѣ мы не такіе же приговоренные?

Только наша ночь длиннѣе, и намъ нужно ярче и больше мечты и сказки.

II.

Слезы Мириамъ.

Какое поэтическое преданіе!

Я его слышалъ въ умирающей Даміеттѣ подъ шорохъ парусовъ на лодкѣ, скользящей по синевѣ Средиземнаго моря.

Былъ прощальный часъ заката. Бѣлыя въ зеленыхъ рѣшетчатыхъ мушрабяхъ стѣны арабскихъ домовъ горѣли розовымъ полымемъ. На бѣлыхъ тонкихъ свѣчахъ минаретовъ золотыми огоньками вспыхивали полумѣсяцы.

Я нигдѣ не читалъ объ этой легендѣ.

Ея не знаютъ христіане.

Она родилась въ воображеніи сына пустыни и никто не записалъ ея трепетныхъ и нѣжныхъ словъ.

Когда наша лодка отчаливала, большеглазый съ загнутыми вверхъ рѣсницами Абдила, сынъ моего хозяина, бросилъ мнѣ бѣлыя лиліи, напоившія все кругомъ нѣжнымъ ароматомъ. Такія только и встрѣчаются въ Египтѣ. Лучшія въ мірѣ,—алкезиразскія, все-таки блѣднѣе и грубѣе этихъ. Когда ихъ смотришь на свѣтъ,—сквозь ихъ бѣлую ткань мерещится, только мерещится, слабый румянецъ жизни.

— Ты знаешь откуда эти цвѣты?

— Лиліи?

— Да. Но такія растутъ только по пути отъ Синая до Каира. Дальше ихъ нѣтъ.

«Мы любимъ Ису. Мы чтимъ его святую Мать. Исса былъ посланъ Аллахомъ для дѣтей и женщинъ. Мужу и воину нуженъ былъ суровый пророкъ и Единый далъ Магомета. Когда злой еврейскій султанъ узналъ отъ чародѣевъ и гадателей, что въ Галилеѣ у бѣднаго плотника родится ребенокъ, которому какъ владыкѣ поклонится все царство іудеевъ, Иродъ повелѣлъ истребить всѣхъ младенцевъ мужескаго пола. Отъ моря до Дамаска раздался плачъ бѣдной матери. Богу нужны были праведныя, еще не жившія, но уже родившіяся души, и Онъ не мѣшалъ злодѣянію. Его Ангелъ привелъ ночью къ Мириамъ сильнаго осла, разбудилъ плотника:

— Возьми Ису и Мириамъ и бѣги съ ними въ Мисирь...

— Какъ я пойду?.. Въ пустынь много дорогъ.

Ангелъ вылѣпилъ изъ глины голубя, дунулъ на него и птица вспорхнула въ лунный свѣтъ.

— Слѣдуй за нею, она тебѣ укажетъ дорогу.

Мириамъ пошла сначала къ Синаю, а потомъ по огненнымъ пескамъ Нижняго Египта.

И всюду за нею слѣдовали плачъ неутѣшныхъ матерей еврейскихъ.

И днемъ, и ночью она слышала его.

И ея сердце исполнилось такой тоски, что по всему пути она ронила слезы. Чистыя слезы скорбящей души.

Ихъ жадно пила алчущая пустыня и изъ этихъ слезъ ея огненные пески рождали лиліи... Бѣлыя лиліи съ отсвѣтомъ праведной крови. Мы ихъ зовемъ слезами Мириамъ, и блаженно дитя, являющееся на свѣтъ, когда онѣ цвѣтутъ. Слезы Мириамъ хранятъ его во всю его жизнь, надо только окропить младенца ихъ свѣтлой росой.»

— Мой сынъ принесть тебѣ слезы вашей Мириамъ... И нашъ путь будетъ благополученъ и помыслы чисты...

III.

В ъ л ѣ с у .

За Волгой, въ лѣсахъ у старообрядцевъ.

Просторная изба.

Въ окна зеленый дубровный свѣтъ.

Свѣжія бревенчатая стѣны потѣютъ душистой смолой.

За столомъ подъ образами странникъ. Ковыряетъ какой-то сапогъ.

Гдѣ остановится—работаетъ. Даромъ чужого хлѣба не хочетъ, ссылаясь на апостола Павла: «лѣнивый да не ястъ». Обуетъ всю семью, наплететъ ивовыхъ корзинокъ.

А вечерами читаетъ: «отъ Бога».

— И отъ Бога годится на всякое. Богъ-отъ всѣмъ говорилъ: и дуракамъ, и умнымъ и грамотнымъ, которые, и исполнѣ лѣснымъ людямъ... Сунь-ко лучину ребенку, онъ-те всю избу спалить.

О своихъ странствіяхъ рассказывать не любить.

— Что-жъ вездѣ земля... И солнце вездѣ. Другого не выдумаешь. И тучи-дождевики. Тоже не медомъ плюются. Только что въ одномъ мѣстѣ зябко, а въ другомъ знойно. Каждому предѣлу свой климатъ указать, вотъ и вся мудрость.

Но поучаетъ особенно.

Грѣхъ признаетъ грѣхомъ только когда онъ вреденъ кому. Другихъ нѣтъ. И богохульство считаетъ либо глупостью, либо отчаяніемъ.

— Что-жъ Богъ-отъ на тебя, на впу, посмотреть. Себѣ ты душевредна, потому что отъ Господа Творца своего отпиваешься. Огонь въ сердцѣ тушишь точно. Отъ этого только тебѣ холоднѣй и темнѣй будетъ, а я, напримѣръ, и не почешусь. Онамедни нашъ пьяный дуракъ-солдатишко на икону плюнулъ. Убить его хотѣли, поганца, а я убѣдилъ—оставьте его, это онъ въ свою душу харкнулъ.

Сами мы должны стараться. Богу—о вселенныхъ забота. У него хозяйство великое! Чтобы порядокъ солнамъ и

звѣздамъ держать и временъ года не спутать. Куда ужъ тутъ Ему о червяхъ въ навозѣ думать. Пушай живутъ. На каторгѣ я былъ. Ну такъ одинъ тамъ кандалный похвальный: «На мнѣ де шесть душъ записано. Я съ самимъ Богомъ сразился и не боюсь его». И кулакомъ въ небо грозитъ. Ну я его сейчасъ же на свою полку поставилъ: «Не дыбись-де. Для Бога, что ты, что праведный одна плѣсень земная. Некогда Ему—такіе у ученыхъ микроскопы есть—микроскопомъ тебя въ плѣсени этой искать. Онъ однимъ дуновеніемъ солнца погасить можетъ, не съ тобой же, съ блухой Ему мѣяться. Съ тебя и чорта баннаго довольно. По истинѣ плѣсень земная.

— Неужли ты на каторгѣ былъ?

— А то нѣтъ? Отчего жъ и не быть? Вездѣ люди! Только что тамъ клона больше и начальство еловое, только и всего.

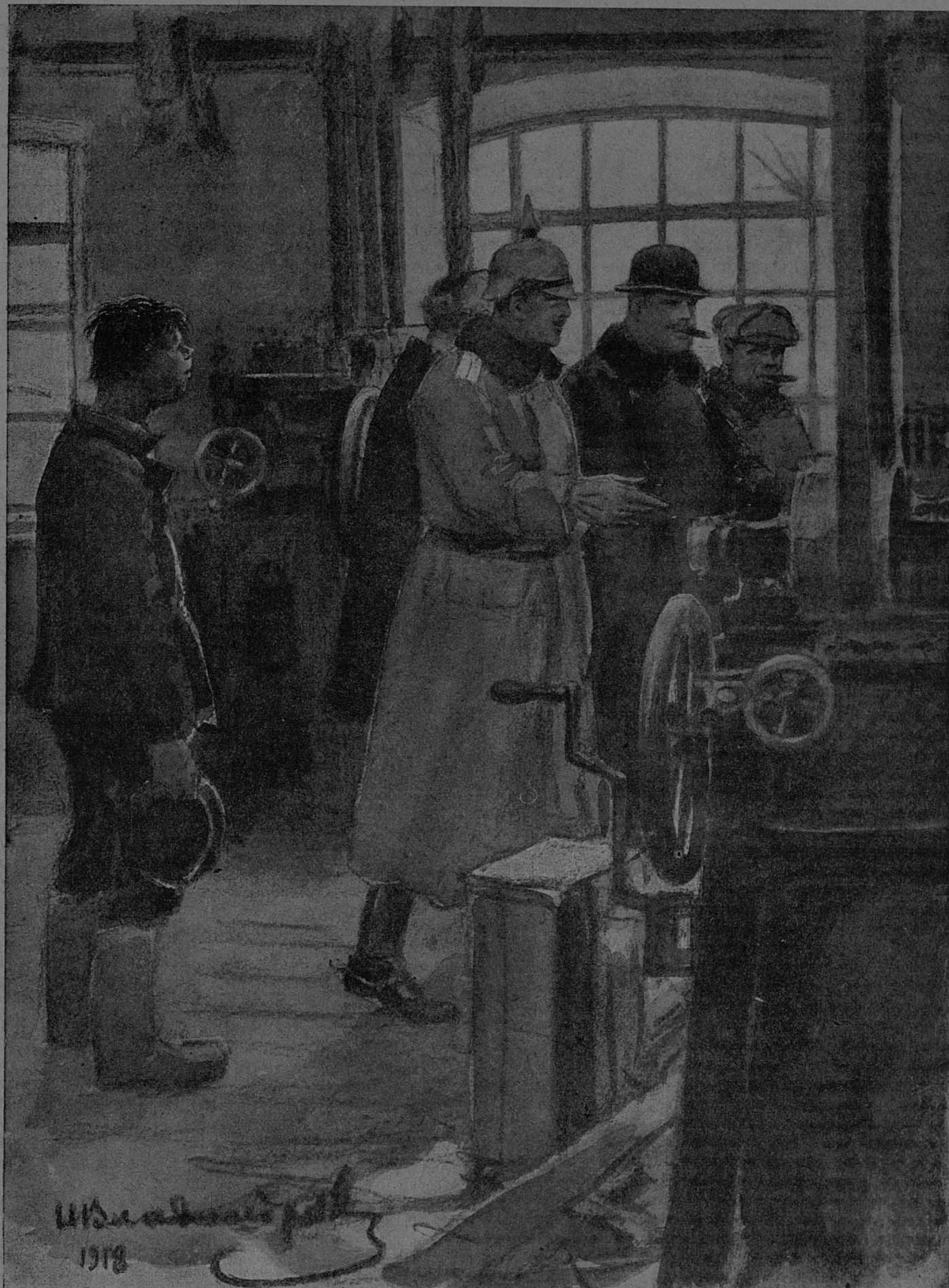
— За что жъ тебя?

— Извѣстно, не за хорошія дѣла! А я не оглядываюсь. Забылъ и вспоминать не надо. Ветхаго человѣка совлечь, точно рваную портянку въ помойку бросилъ. А новый и ходитъ по новому. И каяться не надо. Въ покаяніи соблазнъ. Покаяніе тебя, какъ пса смердящаго, на старую блевотину тянетъ. Ты ищи, гдѣ лучше и чище. А могила все прикроетъ. Всѣ подъ ея крышкой будемъ. Въ каторгѣ всего довольно,—и добраго, и злого. Ты думаешь тамъ особенное? Какъ вездѣ... А кто учиться хочетъ—только слушай и понимай. Что не человѣкъ—то книга. Только умѣй ее читать, потому онѣ всѣ на разныхъ языкахъ! У иного слюна бѣшеная съ языка каплетъ, а душа у него рыдаетъ. Ты не слова лови. Слова что! Слова всегда обманываютъ. Слово для другихъ, а думка про себя. Ты душу соображай. Постучись въ сердце глазъ на глазъ, когда человѣку не передъ кѣмъ свою глупую ролю разыгрывать—оно и откроется. И вдругъ вмѣсто ямы волчьей—передъ тобою цвѣтникъ. Когда въ артели я въ Казани работалъ, тоже въ театрѣ баловался. Такъ иной тамъ себя такимъ злодѣемъ представлялъ, а дома его жена калашемъ бьетъ! Да, былъ у меня на Карѣ товарищъ. Со спины, какъ ящеръ. Другой бы отъ плетей этихъ давно въ могилѣ сгнилъ. Такъ онъ сначала мнѣ точно звѣря лѣсная показался. Ну, вмѣстѣ мы бѣжали и въ тайгѣ все его нутро мнѣ оказалось. Думалъ—сатана, а у него вдругъ въ душѣ—храмъ Божій и въ этомъ храмѣ лампады горятъ и ангельскіе лики, которые безъ ногъ и безъ рукъ—въ ладонѣ ныряютъ...

— А что человѣкъ внѣшними устами говорить—плюнь и разотри, оно совсѣмъ ни къ чему. Слова для другихъ.—Для вранья или чтобы гордость свою—какъ ее кто понимаетъ, тѣшить!

— А каяться не надо! Богъ—не чиновникъ. Ему хабара не надо. Въ покаяніи тоже вранья много. Откался—и правъ. Нѣтъ, ты вотъ безъ покаянія живи, по новому... Для новой жизни—сила нужна. А покаяніе слабить... Оно тоже слюневое...

Осмотръ германцами покинутыхъ русскихъ фабрикъ въ Псковѣ.

По разсказу очевидца рисоваль для «Огонька» худ. И. ВЛАДИМИРОВЪ.

Не успѣли германскія войска укрѣпиться въ г. Псковѣ, какъ вслѣдъ за ними появились коммерческіе агенты и комми-воажеры германскихъ фирмъ. Одн. — для предложенія своего товара изголодавшемуся по дешевомъ фабричномъ продукту бывшему обывателю россійской республики; другіе для изслѣдованія и изученія почвы, на которой могла бы пустить корни дешевая промышленность Германіи.

На рисункѣ нашего художника изображенъ моментъ посѣщенія германскимъ фабрикантомъ облюбованной имъ и оставленной русскими фабрики.

Проклятіе завоевателю.

Въ шафранной мути тонетъ солнце.
Желтая пыль стоитъ въ воздухѣ.

Обломки мраморныхъ колоннъ — точно
въ потемнѣвшей отъ времени матовой
позолотѣ.

Чахлая пальмы — искривленные, рас-
трепанные надъ полуизсыхшимъ источ-
никомъ.

На востокѣ едва — едва видна кайма
синихъ горъ.

— Нашъ оазисъ много вѣковъ былъ
и славенъ, и богатъ. Сотни каравановъ
находили прохладу и пріютъ въ его
священныхъ рощахъ. Пѣвцы отсюда
ходили въ Тимбукту и Тафилетъ. Бѣлые
столпы гордо возносились къ небу и на
нихъ покоились легкія сквозныя арки...

— Куда же все это дѣлось?

— Ибнъ Амру — великій завоеватель.
Да будетъ проклято его имя передъ Бо-
гомъ! Ибнъ-Амру такъ напоилъ землю
нашею кровью, засыпалъ ее пепломъ
счастливыхъ деревень, что она потомъ
выпила всѣ источники. Поглотила алчу-
щая и сухая озера и горныя воды, вы-
сосала влагу у корней...

— Земля, разъ напившаяся кровью,
никогда и ничѣмъ не утолитъ своей
смертоносной жажды...

— Да будетъ во вѣки вѣковъ про-
клято имя подлаго убійцы Ибнъ-Амру!

Святой гусь.

Старый гусь былъ необыкновенно
гордъ.

На птичьемъ дворѣ всѣ моложе его.
Сверстники, его дѣти и внуки — всѣ
перешли въ лучший міръ несомнѣннаго
загробнаго существованія черезъ очагъ.
Одни — просто на вертелѣ, другіе — съ кар-
тофелемъ и капустой, но всѣ одинаково
за свою птичью невинность наслажда-
лись, по свидѣтельству важнаго индюка,
теперь райскимъ блаженствомъ.

Старый гусь все жилъ и приписы-
валъ это своему уму и политическому
такту.

Онъ и самъ вѣрилъ этому и другихъ
заставилъ повѣрить.

Часто приходилъ даже къ гусиному
крематорію — дверямъ кухни и спокойно
смотрѣлъ, какъ поваръ жарилъ его по-
томство.

— Что, Гришка?

Ласково спрашивалъ его весь въ бѣ-
ломъ великій жрецъ гусиной смерти.

— Любопытствуешь?

И старый гусь мудро и спокойно
готовалъ въ отвѣтъ...

Но разъ въ птичникъ прорылась лиса.
Схватила ночью стараго гуся за горло
и унесла.

Отъ Мафусаила осталось только перо.
Стараго мудраго гуся не стало.

Важный индюкъ долго думалъ и, на-
конецъ, рѣшилъ:

— Гуся нѣтъ. Его не изжарили.
Значитъ, гусь не умеръ. Великій жрецъ
въ бѣломъ не заклалъ его въ кремато-
ріумъ...

Но — онъ былъ добродѣтеленъ...

Ясно — старый гусь взятъ живымъ
на небо.

Въ исторіи были тому примѣры...

И весь птичникъ повѣрилъ и до сихъ
поръ чтить святого гуся.

И, пробѣгая мимо большого бѣлаго
пера, даже неистовые пѣтухи, — самые
легкомысленные атеисты птичьяго
двора, — кланяются ему, притворяясь
передъ курами, что ищутъ зерна.

А куры?

Простыя, наивныя, вѣрующія куры
думаютъ, что святое перо помогаетъ
имъ безболѣзненно сносить самыя круп-
ныя и полновѣсныя яйца на ометъ
хозяину дома — всемогущему невидимому
владыкѣ вселенной, которому ветчину
для этого омета поставляютъ столь же
усердныя и благоразумныя свиньи...

Вас. Немировичъ-Данченко.

БЕЗЪ СЕЗОНА.

Разсказъ СКИТАЛЬЦА (С. ПЕТРОВА).

Городъ Астрахань далеко,
Я заѣхалъ по пути...
Волж. пѣсня.

I.

Случайно застрялъ я въ большомъ
университетскомъ, но какомъ-то пустын-
номъ, безжизненномъ городѣ. По край-
ней мѣрѣ внѣшніе признаки жизни были
здѣсь очень слабы: ни уличной толпы,
ни движенія, ни новыхъ построекъ, ни
переполненныхъ бойко-торгующихъ ре-
сторановъ — ничего подобнаго не замѣча-
лось. Общее впечатлѣніе отъ этого боль-
шого, стараго, грязнаго и запущеннаго
города было такое, словно здѣсь когда-то
кипѣла шумная жизнь, но потомъ ушла
куда то въ другое мѣсто, и остались
большія пустынные улицы съ мрачны-
ми старыми домами, съ магазинами, го-
стинницами и гостинымъ дворомъ въ
екатерининскомъ и николаевскомъ сти-
ляхъ, съ почернѣвшими старыми цер-
квами, съ казеннымъ старымъ универси-
тетомъ, въ которомъ не хватаетъ сту-
дентовъ, и не менѣе стариннымъ го-
родскимъ театромъ, гдѣ до сихъ поръ ста-
вится «Кинъ», «Коварство и Любовь» и
тому подобныя новинки.

Былъ октябрь мѣсяцъ, театральныи
сезонъ только что открылся. Кромѣ
театра, другихъ разумныхъ развлеченій
въ городѣ не было, но я такъ боялся
«классическаго» репертуара на провин-
ціальной сценѣ, что предпочиталъ про-
сиживать свои вечера въ номерѣ ста-
рой, громадной гостиницы, почему то
носившей названіе «подворья». Эго были
меблированныя комнаты безъ буфета, и
потому питаться я ходилъ въ «Китай» —
самый первоклассный ресторанъ города,
гдѣ игралъ дамскій «вѣнскій» оркестръ, гдѣ
я часто бывалъ единственнымъ посѣти-
телемъ и слушателемъ, до того пусты-
ненъ былъ этотъ скучный, несчастный
«Китай». Лакеи тамъ уже успѣли при-
выкнуть ко мнѣ, перестали дивиться
моему вѣчному одиночеству, добродѣ-
тельныя вѣнскія барышни въ малень-
кихъ платьицахъ, сначала смотрѣвшія
на меня съ любопытствомъ, потомъ съ
насмѣшливостью, — въ концѣ концовъ

тоже привыкли ко мнѣ. Я сталъ въ
«Китай» какъ бы завсегдатаемъ, своимъ
человѣкомъ. Невольно приходилось на-
блюдать скучныя бесѣды хозяина гости-
ницы съ его пріятелями за чаемъ или
ужиномъ купца, прибывшаго по какому
нибудь вонъ изъ ряда выходящему слу-
чаю въ «Китай» со всей семьей, съ
женатыми сыновьями, со снохами, сва-
хами, женой и бѣдными забытыми пле-
мянниками. Иногда кутила холостая
компанія, тогда посылали нѣмкамъ на
эстраду шампанское и, наконецъ, при-
глашали къ себѣ за столъ сначала муж-
чинъ изъ оркестра, а потомъ и бары-
шень, но съ барышнями никакого раз-
говора не выходило, потому что онѣ не
понимали русскаго языка или можетъ
быть изъ осторожности только притво-
рялись непонимающими. Люди, находчи-
вые и болѣе живые, могли бы и въ
этомъ положеніи придумать поводы для
шутки и веселья, но «китайскіе» умы
неизворотливы, тяжеловѣсны, бездарны.
Получалась нудная, неловкая сцена, изъ
которой всѣ рады были какъ нибудь
поскорѣе выпутаться.

Въ такіе моменты я обыкновенно
вставалъ изъ за своего стола и выхо-
дилъ изъ ресторана.

Дѣваться больше было некуда. Можно
было гулять по главной улицѣ, рассматри-
вать окна магазиновъ, читать афиши.
Я такъ и дѣлалъ послѣ обѣда.

И вотъ, однажды, читая афиши, я,
наконецъ, узналъ, что въ театрѣ идетъ
новая хорошая пьеса.

Рѣшилъ, наконецъ, пойти въ театръ.
Хорошо потолкаться въ незнакомой
толпѣ, въ антрактѣ зайти въ буфетъ,
выпить рюмку водки и чувствовать себя
свободнымъ наблюдателемъ человѣческой
жизни, быть какъ бы въ шпанкѣ-неви-
димкѣ и отдаваться въ толпѣ своимъ
мечтамъ и мыслямъ. Хорошо натол-
кнуться на нечаянную встрѣчу, напасть
на какое нибудь неожиданное приклю-
ченіе.

Кто долго жилъ бродячей жизнью, у
того часто происходятъ эти встрѣчи съ
давно забытыми друзьями прошлыхъ
лѣтъ.

Поэтому, я нисколько не удивился,
когда во время антракта въ буфетѣ
театра кто то схватилъ меня сзади за
рукавъ и произнесъ мое имя.

Оглядываюсь — какой-то молодой че-
ловѣкъ, бритый, съ подстриженными
усами и морщинистымъ лысѣющимъ
лбомъ.

— Да!.. — отозвался я. — Вы угадали,
но, извините, что то не могу вспомнить
васъ!..

— А помните Синицкаго? — возразилъ
онъ звучнымъ густымъ голосомъ.

Я вспомнилъ, что лѣтъ почти два-
дцать тому назадъ, когда я и самъ былъ
юнымъ, знавалъ во дни исканій и ски-
таній восемнадцатилѣтняго бѣленькаго
и тоненькаго студентика Синицкаго, ко-
торый, помнится, пѣлъ на вечеринкахъ
нѣжнымъ, еще не окрѣпшимъ бари-
тончикомъ. Между тѣмъ юноше-
скимъ образомъ и этимъ плотнымъ,
плечистымъ и немолодымъ человѣкомъ
было мало общаго, и если бы онъ не

Прибытіе изъ Германіи въ Петроградъ первой партіи военно-плѣнныхъ инвалидовъ послѣ ратификаціи Ц. И. К. С. Р. и С. Д. Брестскаго мирнаго договора.

Рисунокъ съ натуры для «Огонька» худ. И. ВЛАДИМИРОВА.

28 марта ночью прибыла въ Петроградъ первая партія военнопленныхъ, въ количествѣ 600 человекъ. Прибывшіе инвалиды въ большинствѣ случаевъ получили свои увѣчья во время работъ въ Германіи и оккупированныхъ Германіей областяхъ. Нѣкоторые изъ прибывшихъ безъ руки или безъ ноги. Почти всѣ бѣдно одѣты, и каждый изъ нихъ носитъ на груди номеръ батальона и очередной собственный номеръ.

О своемъ пребываніи въ германскомъ плѣну прибывшіе вспоминаютъ съ большой горечью. Хлѣбный паекъ составлялъ въ Германіи 300—350 граммъ, т. е. три четверти и четыре пятыхъ фунта. Изъ издающагося въ Берлинѣ на русскомъ языкѣ «Русскаго Вѣстника» наши плѣнные узнали о событіяхъ въ Россіи, о февральской революціи, о наступленіи 18 июня и о дальнѣйшихъ событіяхъ. По словамъ инвалидовъ, многихъ изъ нихъ больно ударило извѣстіе о заключеніи мира, дававшего Россіи одни только позоръ и униженіе.

назвать себя—я бы никогда не узнал его.

— Какими судьбами вы здесь?—спросил он.

— Прѣздомъ... А вы? Служите что ли?..

— Да, нѣтъ!..—замаялся другъ моей юности.—Я давно уже по театральной части пошелъ: оперный пѣвецъ я, да вотъ теперь мы оба съ женой безъ сезона остались и тоже временно здесь проживаемъ.

— Вотъ какъ!—удивился я.—Помню, вы пѣли тогда такимъ серебрянымъ баритончикомъ...

— Теперь у меня бас!—солидно возразилъ пѣвецъ,—и большой: служу всегда на первыхъ партіяхъ...

— Какъ же вы безъ сезона то?

— Да замѣшались въ лѣтней побѣдѣ и нигуда не кончили на зиму вмѣстѣ-то, а врозь служить не хотимъ...

— Ваша жена тоже на первыхъ партіяхъ?—спросилъ я, когда мы у буфета выпили по рюмкѣ водки.

— О, да!—воодушевился Синицкій.—Жена моя большая пѣвица, лучше меня, да вотъ, можетъ быть, сами услышите насъ...

— Слушайте!—вдругъ перебилъ онъ самого себя.—Давайте устроимъ концертъ: я слышалъ, что вы съ успѣхомъ читали въ Петербургѣ.

— Да, но я не умѣю устраивать концертовъ—возразилъ я.

— Всѣ хлопоты беру на себя—воскликнулъ Синицкій.—Ужъ я-то умѣю это дѣло дѣлать... и увѣренъ, что мы съ вами возьмемъ здесь полный сборъ!

— Надо думать!

— А вотъ мы сегодня же послѣ спектакля и поцумаемъ: зайдемъ въ «Китай», я васъ познакомлю съ женой: она здесь же.

Я согласился.

Былъ уже послѣдній антрактъ, и по окончаніи спектакля, когда я одѣвался въ шинельную, мой товарищъ, въ верхнемъ платьѣ, представилъ свою жену.

Это была маленькая, молодая женщина, одѣтая болѣе чѣмъ скромно, какого-то запуганнаго вида, похожая на

Тов. Зиновьевъ,

предсѣдатель Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ и Совѣта Комиссаровъ Петроградской трудовой коммуны.

затравленнаго звѣрька, съ лицомъ монгольскаго типа, некрасивая и въ довершеніе всего—рыбая.

Впечатлѣніе было не въ ея пользу: въ робкой, скромненькой и застѣнчивой фигуркѣ этой трудно было допустить оперную пѣвицу, да еще на первыхъ партіяхъ.

Наоборотъ, въ товарищѣ моемъ чувствовался важный актеръ, знающій себѣ цѣну: объ этомъ свидѣтельствовали его самоувѣренная осанка, драповое пальто моднаго покроя, манера носить котелокъ и говорить низкимъ басомъ съ внушительной отяжкой.

Въ «Китай» была обычная скучища: передъ пустымъ заломъ на эстрадѣ барышни въ бѣленькихъ платьицахъ выводили на скрипкахъ что-то безучастное, какой то пьяный тянулся къ нимъ черезъ перила, желая попасть пальцемъ въ клавиши пианино, хозяинъ, похожій на черемиса, сидѣлъ съ пріятелями за чаемъ и говорилъ о «плохихъ дѣлахъ».

— Прежде кто давалъ торговать нашему брату?—помѣшникъ! Пріѣзжалъ изъ деревни и пилъ, задавалъ званные обѣды, оставлялъ большія деньги... А теперь онъ здесь—же, бываетъ каждый день, но...—только питается, а не шьетъ ничего! Ни-ни! Не тѣ

времена! Теперь я только и дышу кабинетами! Слова нѣтъ, кабинеты у меня работаютъ...

— Это дѣйствительно,—соглашались пріятель, дули на чайное блюдечко, обтирали лысины и тянули нудный разговоръ.

Звучалъ какой-то пустой нѣмецкій вальсъ, бесполезно сіяло электричество, бѣлѣли пустые столы.

Мы помѣстились за столикомъ въ углу, близко отъ оркестра, но скоро забыли о немъ и о хозяинѣ «Китая» и объ одинокихъ, скучныхъ посѣтителяхъ его.

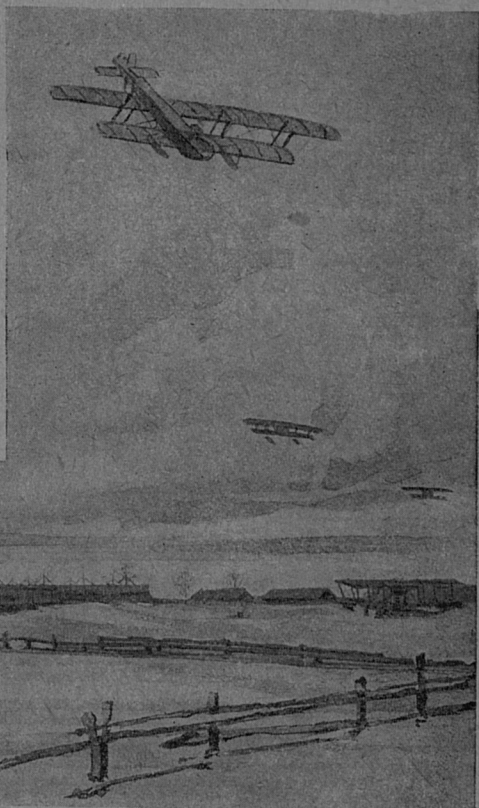
Марья Ивановна (конечно, ее звали Марьей Ивановной, иначе и быть не могло) молча и, повидимому, съ большимъ интересомъ слушала наши разговоры. У нея были прекрасные, густые, свѣтло-каштановые волосы, вьющіеся отъ природы, и сѣрые глаза, блестящіе какимъ-то стальнымъ и твердымъ блескомъ и въ нихъ какъ бы навсегда осталось суровое и пугливо-настороженное выраженіе загнаннаго и озлобленнаго маленькаго звѣрька.

Не прошло и часу въ разговорахъ, какъ мнѣ стало ясно, что я имѣю дѣло съ четой неудачниковъ сцены. Марья Ивановна проговорила, какъ ея мужъ страдаетъ отъ гордости, отъ самолюбія, отъ неспособности унижаться, просить, заискивать и отъ этого не получаетъ хорошихъ ангажементовъ; а онъ разсказалъ про нее, что безъ него бы ее совсѣмъ запинали на сценѣ за ея безмѣрную скромность и незнаніе цѣны самой себѣ. Наконецъ, они заспорили.

— А помнишь?—говорила ей Синицкій,—какъ тебя штукатуръ изругалъ?

И, невольно улыбаясь, онъ сталъ разсказывать не ей, а мнѣ.

— Жили мы въ гостиницѣ, а на лѣстницѣ ремонтъ былъ, штукатуры работали. Вотъ она бѣжитъ по лѣстницѣ, съ репетиціи возвращалась, одѣта кое въ чемъ, шляпенка на ней дешевень-

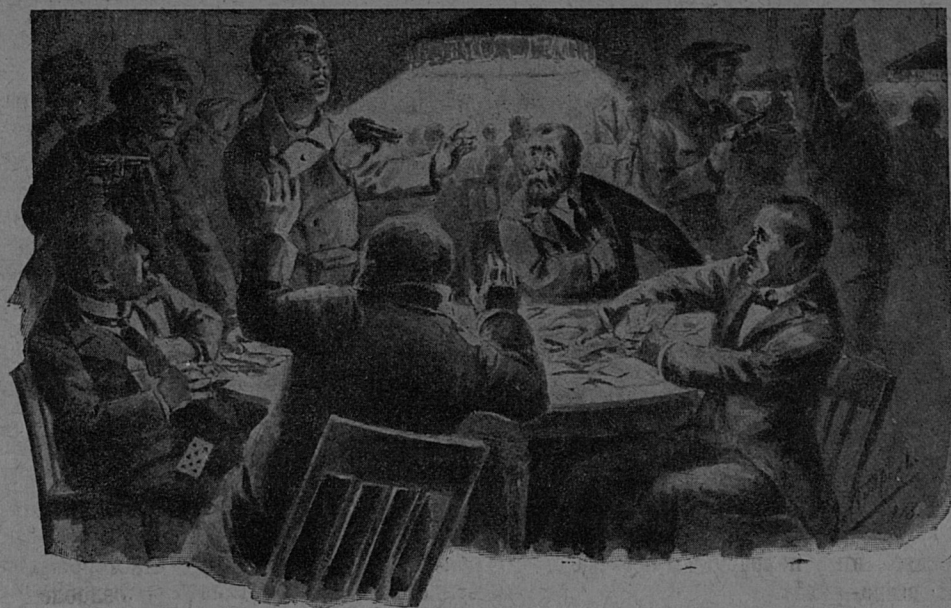
Воздушная почта между Петроградомъ и Москвой.

Рисунокъ съ натуры для «Огонька» худ. М. СТЕПАНОВА.

Разстройство транспорта и налаженнаго почтового аппарата побудило Совѣтское Правительство сдѣлать попытку организовать регулярные воздушные почтовые рейсы между Совѣтской республикой и сопредѣльными государствами. Имѣется въ виду воздушная почта изъ Петроградской трудовой коммуны въ Московскую областную коммуну, въ Украинскую республику и т. д. 31 марта вылетѣли съ Комендантскаго аэродрома четыре почтовыхъ гидроплана въ Москву. Изъ нихъ долетѣлъ одинъ черезъ 5 ч. 30 м.

Налетъ на клубъ.

кая, представительности въ ней, самъ видите, никакой, штукатуръ и подумалъ, что это чортъ знаетъ кто: «Ты, что, говорить, сволочь, тутъ шляешься?» Прибѣжала она ко мнѣ—лица на ней нѣтъ, губы дрожать, слезы текутъ... Что такое?—Разсказываетъ. Пойдемъ, говорю, укажи мнѣ его. Вышли. —Этотъ?—Э-то-тъ—и ревѣть. Я засучилъ рукава, развернулся,—бацъ его, не говоря ни слова,—въ ухо, да такъ неловко, что онъ пидна на мостовую вылетѣлъ, даже испугался я, не слишкомъ ли сильно ударилъ, да тутъ подошли другіе рабочіе и похвалили меня: его бы, говорятъ, и не такъ еще надо, баринъ...

—Если бы я была сильная, я бы его сама тогда побила!—неожиданно заявила Марья Ивановна.

Мы засмѣялись.

—Ну, зачѣмъ же вамъ самой драться—возразилъ я:—у васъ такой сильный защитникъ!

—Очень ужъ я разозлилась! И такъ всѣ обижаютъ... Заставляютъ пѣть большія партіи, пою много, безъ отдыха, публика меня любитъ, а вотъ не везетъ и не везетъ...

—Въ чемъ же не везетъ то?

—Трудно попасть въ хорошую труппу... Не принимаютъ антрепренеры... другихъ, которые хуже меня, принимаютъ, а меня не хотятъ и слушать... и неизвѣстно отчего...

Она задумалась.

Я молча смотрѣлъ на нее и въ душѣ сомнѣвался въ ея талантахъ.

Синицкій заговорилъ о нашемъ предстоящемъ концертѣ.

—Соберемся завтра у одного моего знакомаго студента: у него есть пианино и онъ можетъ хорошо аккомпанировать...

Изъ любопытства и отъ нечего дѣлать я согласился.

* * *

На другой день вечеромъ я пришелъ по указанному адресу въ маленькую

квартирку на антресоляхъ. Мои друзья были уже тамъ. Синицкій представилъ меня хозяину-студенту и его молоденькой женѣ, красавицѣ-еврейкѣ. Очевидно, это были молодожены, судя по ихъ молодости, нѣжнымъ отношеніямъ и новенькой уютной обстановкѣ только что устроеннаго гнѣздышка.

Студентъ—высокій, красивый брюнетъ съ молодой бородкой, оказался славнымъ, симпатичнымъ парнемъ, любителемъ и знатокомъ музыки, а его женой невозможно было не залюбоваться: это была какъ бы сама Мадонна, ожившая и сошедшая съ полотна Мурильо: рѣдкостная, замѣчательная красавица! Рядомъ съ ней бѣдная Марья Ивановна, одѣтая въ ко-

ротенькое скромное платьице и въ какой-то пиджачокъ, казалась еще болѣе дурнушкой, чѣмъ прежде, и невольно чувствовалась обида несправедливой природы, такъ неравномѣрно распредѣляющей свои дары. Красавица-еврейка казалась олицетвореніемъ музыки, поэзіи, красоты и совершенно затмевала сѣренькую Марью Ивановну, такую некрасивую, скромненькую, забитую, жалкую...

—Начнемте безъ лишнихъ разговоровъ,—сказалъ хозяинъ, садясь за пианино и взявъ нѣсколько звучныхъ аккордовъ.

Синицкій развернулъ ноты и запѣлъ.

У него дѣйствительно былъ хорошій, звучный и очень высокій басъ, почти баритонъ: онъ пѣлъ «прологъ» изъ «Паяцевъ». Въ маленькой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ голосъ не помѣщался, казался слишкомъ металлическимъ, рѣзкимъ и причинялъ боль барабанной перепонкѣ. Было неприятно слушать эту массу звука, звона и треска, но въ театрѣ голосъ Синицкаго, вѣроятно, казался инымъ: это—навѣрное приличный оперный басъ, дающій правильные, хорошо стоящіе и крѣпко держащіеся звуки, обыкновенный мастеръ пѣнія со школой и техникой, какихъ много. Ничего выдающагося въ его пѣніи не было, да я и не ждалъ отъ него большаго; съ удовольствіемъ слушалъ, когда послѣ «пролога» онъ спѣлъ еще нѣсколько романсовъ.

Наконецъ пѣвецъ почувствовалъ, что надоѣлъ намъ.

—Будетъ!—коротко сказалъ онъ, отходя въ сторону.

Стали просить спѣть Марью Ивановну, которую ни студентъ, ни его жена еще не слышали. По правдѣ говоря, я не люблю сопранъ и меня вообще мало трогаетъ женское пѣніе, отъ Маріи же Ивановны, бѣдной неудачницы—не ожидалъ ничего, кромѣ обыкновеннаго писка.

Въ дни Парижской коммуны.

По современной гравюрѣ 1871 г. въ «L'Evénement Illustré».

Ревизія клуба.

И во времена Парижской коммуны публика искала развлеченій и азарта въ клубахъ, которыхъ развелось несмѣтное количество. Власти усердно боролись съ этимъ явленіемъ, и о ревизіяхъ клубовъ съ конфискаціей всей наличности игровыхъ, ежедневно сообщалось въ печати. Ревизіи носили организованный государственный характеръ... Налеты громилъ, вродѣ петроградскихъ, являлись рѣдкимъ исключеніемъ. У насъ налеты вооруженныхъ людей—обычное явленіе.

Новые деньги

Одесские пять рублей (почти в натур. величину).

Она покорно встала около пианино, когда студент дал ей вступительный аккордъ.

Пѣвица умолкла. Никто не аплодировалъ.

Въ наступившей тишинѣ всѣ сидѣли опустивъ головы и не двигаясь съ мѣста. Красавица-еврейка тихо плакала, вытирая глаза маленькимъ батистовымъ платочкомъ, и казалась она теперь такой бѣдной, такой сѣренькой и несчастной, безкрасочной и неинтересной.

Я опять увидѣлъ эти тѣсные стѣны и низкій потолокъ, студента за пианино, Синицкаго лицомъ къ темному окну и только теперь почувствовалъ самого себя, какъ бы очнувшись отъ навожденія, глубоко перевелъ занявшійся духъ, вытеръ ладонью мокрые глаза и изумленно со страхомъ и уваженіемъ посмотрѣлъ на пѣвицу.

Талантъ «Божіею милостью», — она снова какъ бы угасала и робко сидѣла въ уголку дивана, сжавшись въ комочекъ съ прежнимъ забитымъ и затравленнымъ видомъ: казалось, она не понимала произведеннаго ею впечатлѣнія, не понимала, да и до сихъ поръ, вѣроятно, не понимаетъ—«отчего» она не нужна на сценѣ и осталась «безъ сезона»? Скиталецъ (С. Петровъ).

Лицевая сторона.

Оборотная сторона.

Германскіе 3 рубля для русскихъ провинцій (въ уменьшеніи на 2/3).

Намъ доставлена изъ Пскова нѣмецкая трехрублевка, зеленого цвѣта, какъ и наша русская, но стоящая 6 русскихъ рублей. Это—деньги, выпущенныя нѣмцами въ Познани для всѣхъ оккупированныхъ русскихъ провинцій. Въ этихъ видахъ оборотная сторона трехрублевки снабжена надписями на нѣсколькихъ языкахъ народностей, попавшихъ въ сферу нѣмецкаго политическаго и экономическаго вліянія.

И вдругъ зазвучалъ прелестный, задушевный искренній голосъ, сразу взялъ за сердце и повелъ за собой, властно и безраздѣльно завладѣлъ вниманіемъ и уже не отпускалъ его никуда: не стало меня, ни студента, ни его красивой жены, раздвинулись и уплыли куда то тѣсныя стѣны съ низкимъ потолокомъ, вмѣсто нихъ звенѣло высокое, хрустальное, голубое небо, лились горячіе, золотые лучи и царилъ небесный, чистый, чарующій голосъ, полный смятенія, тревоги и мольбы, страдающій, жуткій, непонятно-трогательный голосъ, словно птица, потерявшая птенцовъ и мятущаяся въ звонкомъ небѣ, словно чья-то горестная душа, не нашедшая своего мѣста въ мірѣ...

«Отчего это, скажи мнѣ, Марта?»
«Отчего? Отчего?...»

Нарастали, полились и все повышались пламенные, трепещущіе звуки, и вдругъ откуда-то явились теплыя слезы, согрѣли и омыли душу, прихлынули и славили горло.

Брошенный въ высоту, прозвенѣлъ самый высокій, самый отчаянный и трагическій звукъ.

Пятигорскій рубль (въ натуральную величину).

Недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, хотя станокъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ печатаетъ ихъ въ совершенно неограниченномъ количествѣ и въ обращеніе пушено неподдающееся учету количество купоновъ процентныхъ бумагъ, заставляетъ городскія самоуправленія и другія общественныя организаціи выпускать свои временныя деньги. Въ Россіи ихъ теперь громадное количество. Мы помѣщаемъ здѣсь одесскіе 5 рублей и пятигорскій 1 рубль. Это довольно приличное цвѣтное литографское изданіе. На оборотной сторонѣ рубля есть удостовѣреніе управляющаго мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка, что выпущенные билеты обезпечены неприкосновеннымъ вкладомъ. Рубль—коричневаго цвѣта. Одесскіе 5 руб.—синяго цвѣта.

Алешкино преступленіе

(Наши дни въ Петроградѣ).

I.

Выдвинувъ ящикъ, Букъ опять уви-
дѣлъ на тарелкѣ однѣ крошки...

На минуту взглядъ его растерянно
скользнулъ по краямъ стола, какъ будто
пропавшія «три восьмыхъ» могли еще
гдѣ-нибудь найтись, и остановился
вдругъ на тарелкѣ съ борщомъ...

Безцвѣтнымъ, невкуснымъ...

— Значить... Опять безъ хлѣба?..

Губы сжались, глаза сами собой стали
другими.

Алешка сидѣлъ тутъ же, налѣво подѣ
окномъ, и раскладывалъ свои десять от-
крытокъ...

Старался онъ не смотрѣть въ ту сто-
рону, гдѣ былъ отецъ, хмурилъ важно
брови, шепталъ даже-что то... Словно, и
въ самомъ дѣлѣ не было сейчасъ для
него ничего занимательнѣй на свѣтѣ,
кромѣ, вотъ, десяти грязныхъ, трепан-
ныхъ кусочковъ раскрашеннаго картона...

Но... Нѣтъ!.. Не выдержалъ...

Кольцомъ ледянымъ затрепетавшее
сердечко отцовскій взглядъ охватило...

Замеръ, застылъ весь...

— Опять?!

Вздрыгнулъ. Хотѣлъ заплакать, и... не
вышло ничего.

— Опять?!

Два шага всего сдѣлалъ Букъ, про-
тянулъ руку и ударилъ... По затылку...
Р-разъ, другой и третій...

— Бу-удешь?! Бу-удешь, с...нѣ с...нѣ?!
Бу-удешь, с...чѣ?!

И не потому, что закричалъ жалобно
Алешка, не потому, что сказала что-то
жена, а по неприятно полоснувшему
звуку понялъ, что задѣваетъ обручалъ-
нымъ кольцомъ, что больно же, нако-
нецъ, это.

Но не могъ уже остановиться... Не
могъ—такъ охватила всего сразу нелѣпая
мысль, что отнял у него семилѣтній
сынъ самое дорогое, оскорбивъ, при-
томъ, незаслуженно-жестоко...

И, стиснувъ зубы, съ перекошеннымъ
лицомъ кричалъ бессмысленно злые
слова:

— Воромъ быть хочешь?! Во-ромъ?!
Жить полегче... не на три восьмыхъ
ду-умаешь?! Я-те по-живу!..

II.

Бѣлъ молча—быстро и жадно...

Три картофельныхъ оладьи отложилъ
поближе къ краю миски... На ужинъ...
Потомъ съѣлъ, шепнувъ что-то, первую,
потомъ половину отъ второй, потомъ,
махнувъ зло рукою, послѣднюю...

А женѣ, криво, усмѣхнувшись, бросилъ:

— Какъ разбѣжишься — крышка!..

Прячь... что ли...

И, точно въ оправданіе солгалъ:

— А будь хлѣбъ, оставилъ бы...

Улыбнулась только въ отвѣтъ—по-
корно и грустно...

— Вечеромъ будетъ... У колониствовъ
достала...

— Будетъ?—Букъ тоже неожиданно
улыбнулся...

Въ комнатѣ стало отчего-то свѣт-
лѣй и радостнѣй...

III.

Возвращаясь послѣ вечерней работы,
Букъ первый разъ замѣтилъ это, какъ
слѣдуетъ...

Да... Люди вездѣ: на заводѣ, на ули-
цахъ, въ трамваѣ или молчали угрюмо,
или говорили только о продуктахъ, только
о томъ, что ихъ нѣтъ и гдѣ и какъ ихъ
достать...

На самомъ поворотѣ съ проспекта въ
проулокъ остановился, купилъ съ лотка
четыре конфетки, дѣлянку шоколада,
вспомнилъ о картофелѣ на ужинъ и за-
шагалъ легко и торопливо...

За ужиномъ долго не спускалъ сына
Алешку съ колѣнъ, по очереди отдалъ
четыре конфетки и, прислушиваясь по-
тѣшно къ чему то, щелкалъ изрѣдка по
кожаной Алешкиной пряжкѣ, да спра-
шивалъ весело:

— Бунтуетъ?.. А?.. Урчитъ, подлецъ?..

Бурчитъ-ворчитъ?..

А Алешка хохоталъ, захлебываясь,

хохоталъ до «икотки».

Алекс. Валентиновъ.

Отправка дѣтей петроградскихъ рабочихъ въ хлѣбородныя губерніи.

По фотографіямъ для „Огонька“ П. Оцуа.

Голодъ и недоѣданіе сильнѣе всего отразились на
здоровьѣ и безъ того чахлахъ и малокровныхъ петро-
градскихъ дѣтей. Районные совѣты рабочихъ и сол-
датскихъ депутатовъ организовали групповыя отправки
дѣтей рабочаго населенія въ хлѣбородныя и богатыя
продуктами области, еще не отдѣлившіяся отъ бывшей
имперіи. На нашихъ снимкахъ изображенъ моментъ
отправки въ специальныхъ поѣздахъ группы дѣтей
рабочаго населенія. Внизу—родственники провожаютъ
отъѣжающихъ ребятъ.

ДРАГОЦѢННОСТИ.

Рассказъ ШЕБЕЛЯ
(Съ нѣмецкаго).

Старая артистка сидитъ въ комнатѣ, которая когда-то служила ей студіей. Здѣсь и въ поминѣ нѣтъ той роскоши, которой блистаютъ остальные комнаты виллы.

Заброшены и покрыты пылью шкафы по стѣнамъ, немногія выпѣвшія гравюры и наброски, полу-разсыпавшіеся лавровые вѣнки съ красующимися на нихъ лентами цвѣта всѣхъ европейскихъ странъ.

Заброшена и точно покрыта пылью сама она, отжившая знаменитость. Ея волосы посѣдѣли, огонь голубыхъ глазъ потухъ.

Въ сундукѣ, на которомъ она сидитъ, лежатъ два—три самыхъ дорогихъ костюма, съ которыми бывшая трагическая артистка такъ и не могла разстаться.

На томъ диванѣ, въ углу, Ада Рубини когда-то изучала смертельную агонію, послѣдній отчаянный вопль умирающей, который прославилъ ее на подмосткахъ.

Тому чучелу, изображающему мужчину, расточала она самыя нѣжныя и страстныя слова, говорившіяся такимъ мелодичнымъ шепотомъ.

Какъ часто отражало здѣсь зеркало всѣ дѣланныя страсти, которыми артистка оживляла героинь великихъ произведеній.

Старая женщина проводить рукой по глазамъ. Призраки прошлаго встаютъ передъ ея глазами. Таинственно шепчутся они среди листьевъ увядшихъ вѣнковъ. А пылинки танцуютъ въ широкихъ солнечныхъ полосахъ, льющихся ярко и молодо черезъ окна.

Вдругъ Ада Рубини встаетъ.

Она подходитъ къ рѣзному шкафу, въ которомъ хранятся драгоценности старѣющей знаменитости. Она открываетъ его и вынимаетъ содержимое шкафа на свѣтъ.

Теперь, въ своемъ монашескомъ уединеніи, она не носитъ никакихъ украшеній. Ни тѣхъ изумрудовъ, окруженныхъ сѣрымъ жемчугомъ, ни этихъ брилліантовыхъ цвѣтовъ съ дрожащими тычинками, ни ту, въ три метра длиною, цѣпь отборнаго розоваго жемчуга.

Морщины на лбу актрисы разглаживаются при воспоминаніи объ ея успѣхахъ.

Этотъ розовый жемчугъ подаренъ ей однимъ коронованнымъ лицомъ, изумруды же она получила отъ индійскаго князя. Какъ ясно видитъ она передъ собой этого стройнаго человѣка, съ коричневымъ лицомъ и тихимъ, усталымъ голосомъ. Но какіе у него были кровожадные инстинкты!

Она боялась его, какъ хищнаго звѣря, зачаровывавшаго ее какой-то магической силой. Она почти забывала роль, когда видѣла со сцены блескъ его бѣлыхъ зубовъ въ одной изъ ложъ.

Но зато онъ цѣлый годъ держалъ ее подъ властью своей любви, ее, прошедшую черезъ сотни рукъ, уставшую отъ самыхъ утонченныхъ переживаній. Но въ немъ ее привлекала дикость, невоздержанность и страстность его натуры. И подъ конецъ ихъ связи, когда она измѣнила ему съ молодымъ человѣкомъ, всѣмъ состояніемъ котораго были его двадцать

фонѣ бѣлаго, синяго и лиловаго бархата футляровъ.

Ада Рубини придвигаетъ стулъ и садится. Отъ кого же это безвкусное украшеніе изъ сапфировъ, изображающее гирлянду васильковъ? Ада потираетъ себѣ лобъ, но память, положительно, измѣнила ей!

Сострадательно улыбаясь, отодвигаетъ она въ сторону нѣсколько коробочекъ. Она разберетъ ихъ содержимое, чтобы подарить все это своимъ горничнымъ и камеристкѣ.

Какъ наивно. Что за ребячество! И кто только посмѣлъ преподнести ей подобную вещь!

Все же работа этого украшения очень недурна—какъ нѣжны дрожащія цвѣточки, какъ перысты эти вѣточки!

Она, вѣрно, была еще очень молода тогда. Молода... Это слово причиняетъ ей мучительную боль, точно ударъ кинжаломъ.

Торопливо защелкиваетъ она коробочку.

Удивительный ящичекъ попадаетъ ей въ руки: восточная филигранная работа и весь украшенъ разноцвѣтными камнями.

Внутри, на малахитоваго цвѣта бархатѣ лежатъ брилліанты чистѣйшей воды. Они просто вѣдланы въ серебро для того, чтобы замѣтнѣе были ихъ блескъ и размѣръ.

Чудные брилліанты, свѣтлые, какъ слезы.

И безчисленныя слезы проливали юные голубые глаза надъ этими камнями.

Въ тотъ день, когда она ихъ увидѣла, она была еще молода и... невинна. Но какой-то демонъ заставлялъ ее каждый день останавливаться передъ витри-

ной, за которой красовались эти брилліанты, достойные царицы, будь она лишь царицей любви. И каждый вечеръ стояла у этой витрины маленькая консерваторка въ ситцевомъ платицѣ, какъ загнилотизированная этимъ великолѣпіемъ. И въ одинъ роковой вечеръ увидѣлъ ее тамъ отвратительный тридцатилѣтній старикъ, лысый, отжившій, настоящій продуктъ Парижа. Ея юность и свѣжесть были для него ароматомъ рѣдкаго цвѣтка и въ бутонѣ онъ угадалъ красоту будущаго распцвѣта. Отъ его глазъ не ускользнула тощую взглядъ, которыми она смотрѣла на камни, онъ понималъ ихъ власть надъ ней. Въ тотъ вечеръ онъ подарилъ ей сверкающее кольцо, не требуя ничего взаимъ...

Познакомившись потомъ съ ея талантомъ, онъ взялъ ее всецѣло подъ свое

Въ дни Парижской коммуны.

По старинной гравюрѣ, заимствованной изъ французскаго журнала „La Presse Illustrée“ 1871 г.

Спекуляція съ размѣнной монетой у зданія парижской биржи.

Точно такъ же, какъ и у насъ въ Петроградѣ, съ приближеніемъ нѣмцевъ къ столицѣ сталъ ощущаться голодъ въ размѣнныхъ знакахъ, и въ Парижѣ во время коммуны и осады началась спекуляція съ крупными банковскими билетами, которые съ трудомъ удавалось мѣнять и то лишь за приличное комисионное вознагражденіе.—У зданія биржи шла бойкая торговля мелкой размѣнной монетой. Этотъ эпизодъ изъ быта коммуны запечатлѣнъ художникомъ современникомъ.

лѣтъ и глаза, прекраснѣе всѣхъ индійскихъ драгоцѣнныхъ камней,—онъ чуть не убилъ ее. Его тонкіе, нервныя пальцы уже сдавили ей горло, уже кровь выступила у нея на губахъ...

Но тутъ онъ выпустилъ ее съ проклятіемъ, оттолкнувъ ногой.

На слѣдующій день онъ купилъ театръ, въ которомъ она играла, и она осталась временно безъ ангажемента. Но это было только лишней рекламой для ея красоты,—герцоги, принцы наперерывъ предлагали ей себя въ защитники...

Ада Рубини злорадно усмѣхается. Индусъ умеръ ужасной, мучительной смертью отъ руки родственника у себя на родинѣ...

Коробку за коробкой открываетъ она. И сверкаютъ драгоцѣнные камни на

На 47-й Передвижной выставкѣ картинъ въ Петроградѣ.

По фотографіямъ для „Огонька“ Кс. Глыбовской.

Худ. Г. Е. Савицкій:—„Голодъ“.

покровительство, употребилъ все свое вліяніе, чтобы доставить ей ангажементъ. И въ вечеръ своего дебюта, Ада открыто выставила на показъ свои удивительные брилліанты и свой позоръ... Рѣзко защелкивается золотой ящичекъ филигранной работы.

Мрачно сдвинувъ брови, вынимаетъ актриса другія коробочки, украшенные серебромъ, отдѣланныя перламутромъ. И въ каждой изъ нихъ лежатъ камни, которые будятъ въ ея душѣ воспоминанія—простыя, трогательныя или наполняющія ея сердце гордостью и злорадствомъ...

Старая женщина отгоняетъ эти воспоминанія. Она хватается въ руки длинный,

старинное еврейское обручальное кольцо—среди древне-еврейской надписи, на немъ изображенъ вмѣсто герба храмъ Соломона. Какая тонкая чудная работа!

Уставъ отъ всего этого великолѣпія, Ада закрываетъ футляръ. Еще одинъ только ящичекъ остался въ шкафу. Формой онъ напоминаетъ гробъ.

Въ немъ безпорядочно перемѣшались разныя вещицы: кольца, браслеты, серьги, цѣпи. Все вещи малоцѣнныя.

Погрузивъ руки въ ящичекъ, Ада вынимаетъ ихъ оттуда полными.

Вдругъ старая женщина вздрагиваетъ. Она тяжело вздыхаетъ и этотъ

узкій футляръ съ безчисленными кольцами. Какая масса цѣнныхъ и оригинальныхъ подарковъ на память! Многие изъ этихъ колецъ никогда не украшали тонкихъ бѣлыхъ пальцевъ Ады Рубини. Драгоценности, достойныя выставки: вотъ, напримеръ,

вздохъ похожъ на жалобный стонъ... Ея потухшія глаза на мгноvení вспыхиваютъ огонькомъ юности.

Какъ попало это кольцо сюда, къ драгоценностямъ знаменитой актрисы, избалованной женщины?

Это кольцо?

Жалкое, погнутое, съ незабудкой изъ эмали.

Медленно одѣваетъ его старуха на руку. Эта бѣлая, нѣжная рука, все, что осталось у нея молодого, чего еще не разрушили годы. Какимъ смѣшнымъ ка-

Проф. В. Е. Маковский:—„Товарищъ“ (Крымъ).

жется на ней это узкое дешевенькое колечко! И все же на него падаетъ слеза, одна единственная слеза, которой Ада Рубини оплакиваетъ свою молодость, свои мечты и идеалы.

Кто подарилъ ей это кольцо?

Молодой человекъ, горячо ее любившій, единственное сердце, дѣйствительно принадлежавшее ей за всю ея пеструю, шумную жизнь. Онъ любилъ ее еще тогда, когда она была простенькой усердной модисточкой у знаменитой Madame Coralie въ Брюсселѣ.

И въ самый разгаръ ея нѣжной и страстной любви, маленькая модистка узнала, что въ ней скрывается большой талантъ. И оставивъ отца, мать и возлюбленнаго, съ маленькимъ узелкомъ въ рукѣ и колечкомъ съ незабудкой на пальцѣ, уѣхала она въ Парижъ. Жалкое колечко скоро было замѣнено сверкающимъ брилліантомъ. Но забыла ли того юношу великая трагическая актриса?

Вокругъ нея лежатъ въ драгоценныхъ футлярахъ княжескіе подарки. А она прижимаетъ къ губамъ узенькое кольцо и шепчетъ чье-то имя, то самое имя, которое произносила съ такой благоговѣйной вѣрой въ своихъ молитвахъ.

Перев. А. Д'Анволь.

Худ. П. И. Субботинъ:—„Тверская кожа“.

Въ стародавнія времена, когда въ селеніяхъ и городахъ Руси еще не существовало печати, вѣсти и „публицистика“ распространялись оригинальнымъ, первобытнымъ путемъ. На базарахъ и ярмаркахъ появлялись скоморохи, шуты, наряженные въ дурачкіе костюмы, звѣриныя шкуры, и подъ пѣніе, шутки и прибаутки разносили по селамъ и вѣсямъ послѣднія новости дня, разоблачали пороки и преступленія должностныхъ лицъ. Шутовъ этихъ народъ окрестилъ неблагозвучнымъ именемъ „козы“. Модель одной изъ такихъ „козъ“ сохранилась во дворцѣ тверскихъ князей въ Твери; по этой модели художникъ и написалъ свою любопытную историческую картину.

Печатаемые здѣсь рассказы переведены для «Огонька» прив.-доцентомъ Петроградскаго Университета П. А. Фалевымъ изъ изданнаго въ Петроградѣ на турецкомъ языкѣ сборника проф. В. Д. Смирнова «Образцовыя произведенія османской литературы», какъ образчики старо-турецкой (XVI в.) новеллистической литературы». Въ существующихъ на русскомъ языкѣ очеркахъ турецкой литературы (въ «Всеобщихъ исторіяхъ литературы» проф. Корша и Кирпичникова, а также Шерра) этотъ литературный жанръ совершенно не затронутъ, и предлагаемые вниманію читателя рассказы могутъ, хотя-бы и въ очень малой степени, восполнить этотъ пробѣлъ.

Старо-турецкія новеллы.

(Съ турецкаго).

Иллюстраціи для „Огонька“ худ. С. ЛОДЫГИНА.

Хитрая старуха.

У одного купца была красивая жена, чрезвычайно скромная и благочестивая. Случилось купцу уѣхать по дѣлу, и передъ отъѣздомъ онъ наказалъ женѣ не выходить изъ дому и не смотрѣть изъ дверей и изъ оконъ ни явно, ни тайно. Жена твердо держала наказъ мужа и никуда не выходила. Но вотъ однажды на улицѣ раздался какой-то шумъ. «Ахъ, что это такое?» вскрикнула она и выглянула въ щелку. Ее увидѣлъ одинъ прекрасный юноша и влюбился въ нее. Послалъ онъ ей вѣсточку черезъ старуху, но свиданія не добился. Напала на него тоска и онъ больной слегъ въ постель. Собрались къ нему всѣ родные и знакомые, мужчины и женщины. Одна старушка, видя его страданія и не зная ихъ причины, пристала съ разспросами. Юноша же, думая, что, можетъ быть она ему поможетъ, рассказалъ ей все. «Ну, я хитростью да лукавствомъ поймаю въ сѣти эту жаръ-птицу, какъ бы она ни была дика, и тебя съ нею сведу» — сказала старуха.

Была у ней франкской породы собака. Старуха взяла чесноку, облила его

нось. Потомъ она пошла къ женѣ упоминутаго купца, взявъ съ собою собаку. Послѣ первыхъ привѣтствій и благопожеланій она спросила молодую женщину: «Почему это ты день и ночь сидишь дома и никуда не выходишь? Почему не смотришь на созданный Всевышнимъ міръ и Его людей?» Та отвѣчала: «Мнѣ мужъ заказалъ выходить наружу и смотрѣть на лица чужихъ мужчинъ». — «Я это слышала», возразила старуха: «потому то и пришла къ тебѣ сама, а то прислала бы свою дочь»... Пока онѣ такъ бесѣдовали, у собаки отъ дѣйствія чеснока и укуса защеколало въ носу и въ горлѣ, на глазахъ показались слезы, и она завывала. Жена купца спросила: «Матушка, отчего это воетъ ваша собачка?» Старуха заплакала. «Эта собачка», сказала она: «дочь одного именитаго купца, единственнаго дитя своихъ родителей. Она была несравненной красоты, и я ее очень любила. Въ нее влюбился одинъ молодецъ. Но сколько онъ ни старался увидѣться съ нею, она все отказывала. Въ концѣ концовъ тотъ юноша сталъ молить Бога, чтобъ Онъ послалъ какую-нибудь бѣду на ту дѣвицу, и она обратилась въ собаку. Она дружила со мной, когда была человѣкомъ, вотъ и теперь, увидѣвъ меня, бѣжить ко мнѣ, всюду ходить за мной, бросается ко мнѣ и плачетъ; и я противъ воли плачу съ ней вмѣстѣ». Тогда жена купца сказала: «И въ меня влюбился одинъ молодецъ и даже слегъ въ постель. Сдѣлай милость, матушка, приведи его ко мнѣ, а то я боюсь, что онъ проклянетъ меня, и я обращусь въ собаку». — «Что это за юноша и гдѣ онъ?» спросила старуха: «такъ и быть, я для тебя его отыщу». Взяла она съ жены купца деньги за свое посѣщеніе и отправилась къ юношѣ. Съ того она получила вознагражденіе за радостную

къ вечеру свела ихъ обоихъ

Язычникъ и его кумирь.

У одного гяура былъ сдѣланный изъ дерева идолъ. День и ночь онъ передъ нимъ молился и просилъ: «Поддай мнѣ богатства и довольства». Но, вѣдь, идолъ не вредитъ и не приноситъ пользы, и его молитвы оставались тщетными.

Гяуръ, разсердившись, схватилъ идола за ноги и ударилъ объ полъ. А этотъ идолъ принадлежалъ раньше богатому гяуру. У идола была полая внутренность, и въ ней было спрятано золото. Когда идолъ разбился, золото высыпалось. Собирая золото, язычникъ говорилъ: «Съ такимъ безпутнымъ, какъ ты, добромъ ничего не сдѣлаешь. Сколько времени я тебя просилъ, и ты не исполнялъ моей просьбы. А теперь, когда я тебя разбилъ, я получилъ пользу». Смыслъ рассказа тотъ,

что есть много людей, отъ которыхъ по хорошему ничего не получишь, а если примѣнить насиліе, то можно добиться желаемого, какъ въ этой баснѣ.

Коль ласка и добро
Не помогаютъ въ дѣлѣ,
Насиліе примѣни —
Сейчасъ достигнешъ цѣли.

Невѣрная жена.

Рассказчики передаютъ, что какой-то турокъ залѣзъ въ долги. Потерявъ надежду освободиться отъ притязаній кредиторовъ, онъ большую часть дней проводилъ въ лѣсу и не являлся домой. А у его жены былъ любовникъ — прекрасный юноша. Онъ постоянно приходилъ къ ней, и они оставались до утра. Однажды ночью она, по своему обыкновению, привела его къ себѣ, и когда они развлекались, мужъ пришелъ домой и постучался въ дверь. Жена спрятала юношу подъ кровать, а сама, открывъ дверь, вышла наружу. «Если бы ты пришелъ немножко пораньше», сказала она: «такъ сидѣлъ-бы ужъ въ тюрьмѣ. На вѣки вѣчные тамъ бы и остался. Тебя искала стража. Я сказала, что тебя нѣтъ. Не повѣрили, вошли въ домъ, все переискали. Сказали, что скоро опять придутъ». Турокъ, услышавъ это, совсѣмъ смѣшался и сталъ смотрѣть, въ какую-бы сторону ему убѣжать. Но жена сказала: «Теперь

укусомъ и, смѣшавъ все это, дала ѣсть вѣсть, а собакѣ, да еще накапала ей уксусу въ вмѣстѣ.

городскія ворота заперты. Уйти нельзя. Полѣзай вонъ на эту голубятню. Я дверь накрѣпко закрою. Если кто и

придетъ, то ужъ про то мѣсто ничего не подумаетъ». Турокъ согласился; жена накрѣпко закрыла дверь голубятни и лѣстницу отняла, такъ что и самой ей не взобраться стало. Потомъ она вывела юношу изъ-подъ кровати, и опять они принялись за бесѣду. Юноша, точно онъ былъ изъ стражи или сыщика, кричалъ громкимъ голосомъ: «Найди мнѣ своего мужа, а не то я и тебя засажу въ тюрьму». Бѣдняга мужъ дрожалъ отъ страха на голубятнѣ. А тѣдо утра проводили время, какъ имъ было угодно. Смысль этой повѣсти тотъ, что кто женщинъ не боится, тотъ и Бога не страшится. Сколько онѣ смутили и погубили прекрасныхъ юношей, бывшихъ султанами султановъ въ этомъ мѣрѣ!

О хитрости и коварствѣ женщинъ.

Разсказываютъ про одного путешественника, что онъ безпрестанно говорилъ и писалъ о хитрости женщинъ. Онъ сочинилъ по этому вопросу цѣлую книгу, которую назвалъ: «Лукавство женскаго пола», и постоянно ее перечитывалъ. Разъ во время путешествія онъ попалъ къ одному арабскому племени и остановился въ палаткѣ арабскаго князя. Хозяина не было дома. Его жена была женщина остроумная и краснорѣчивая. Она занялась приготовленіемъ угощенія, а нашъ путешественникъ сидѣлъ въ углу палатки и просматривалъ свою книгу. Женщина любезно спросила: «Какую это книгу ты такъ усердно читаешь?». Путешественникъ отвѣтилъ: «Въ этой книгѣ говорится о хитрости женщинъ». Женщина улыбнулась и сказала: «Ты хочешь солнечный свѣтъ вымѣрить аршиномъ. Развѣ можно сосчитать хитрости и уловки женщинъ? Хитрости женщинъ не вмѣстятся въ книгу». И она, положивъ стрѣлу кокетства на лукъ своихъ бровей, намѣтила

въ мишень сердца путешественника и выстрѣлила этой сердцесжигающей стрѣлой. Вскорѣ завязалась бесѣда между влюбленнымъ и возлюбленной. — Нѣсколькими словами она смутила молодца и завлекла несчастнаго въ капканъ. Путешественникъ же былъ до того изумленъ, что поддался ея кокетству и подмигиваньямъ, и былъ очарованъ ея краснорѣчіемъ и ея прелестью. Во время ихъ такой бесѣды неожиданно возвратился супругъ. Женщина притворилась растерявшейся и сказала: «Ахъ, бѣда! Онъ убьетъ насъ обоихъ». Гость смѣшался и взмолился. Женщина сказала: «Влѣзай въ этотъ сундукъ», и запрятала молодца въ сундукъ. Плутовка заперла сундукъ на ключъ, а потомъ пошла навстрѣчу мужу. Оба вошли въ палатку и сѣли. Послѣ небольшой игривой бесѣды она сказала мужу: «Сегодня къ намъ пришелъ въ гости одинъ любезный, талантливый и пріятный юноша. У него была книга о

хитрости женщинъ, которую онъ просматривалъ. Я хотѣла надъ нимъ пошутить и смутить его. Однимъ кокетливымъ взглядомъ я сразила бѣдняжку. Несмотря на то, что онъ былъ авторомъ той книги, которую читалъ, онъ попалъ въ силки. Я поиграла съ нимъ нѣкоторое время, а въ самый интересный моментъ ты явился, и наше свиданіе перемѣнилось на разлуку». Мужъ разгорячился и разсердился. Пламя ревности вспыхнуло въ его сердцѣ. Закипѣлъ онъ точно ртуть. А несчастный гость, сидя въ сундукѣ, прощался съ жизнью. Сердитый арабъ спросилъ: «Гдѣ твой проклятый гость?» Жена сказала: «Въ сундукѣ, возьми ключъ, открой и посмотри». Мужъ взялъ ключъ. Но передъ этимъ они, когда ѣли курицу, играли въ «ядъ-эсть»*)

*) «Ядь-эсть» — названіе игры, суть которой состоитъ въ томъ, чтобъ заставить своего противника взять что-нибудь, не сказавъ словъ: «ядъ-эсть» (на память).

съ куриными крылышками. Никто изъ нихъ не могъ выиграть. Сердитый хозяинъ забылъ про это, а жена, какъ только онъ взялъ ключъ, сказала: «Ядь-эсть! Отдавай мой залогъ, я выиграла!» — «Ахъ, хитрая женщина! Ты меня побѣдила», вскричалъ мужъ и, бросивъ ключъ въ жену, вышелъ со словами: «Будь ты проклята!» Женщина открыла сундукъ и сказала: «Ну, ходжа, выходи! Смотри, больше не пиши о хитрости и коварствѣ женщинъ, а то тебѣ никогда не кончить». — Такъ она пристыдила нашего молодца.

Историческій анекдотъ.

Разсказываютъ, что Саруджа-паша, начальникъ пѣхоты во время Государя-Воителя*) и визирь Иллырьмъ-Хана**), былъ человѣкъ добрый и добродѣтельный, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне грубый и невѣжественный. Однажды онъ сказалъ своему кяхъ***): Отправляйся-ка въ Венгрію или Валахію, найди тамъ мѣсто, пригодное для монастыря, и построй-ка высокую церковь и раподобное веселое зданіе. Я хочу въ странахъ ислама строить и молельни, и богоугодныя заведенія, и мечети. Пусть будетъ память обо мнѣ и въ ихъ религіи и пусть милостыня моя распространится и среди нихъ.

Есть у насъ большіе ученые, которые говорятъ, что вѣра Магометова — истинна, а вѣра Исусова — ложна, и что, кто слѣдуетъ той вѣрѣ, тотъ — гяуръ. Но есть и такіе ученые, которые говорятъ, что вѣра Мессіи — истинная древняя вѣра, а вѣра Магомета — законъ, явившійся впоследствии. Пусть же будутъ у меня добрыя дѣла въ обѣихъ религіяхъ и заслуги передъ обоими про-роками, а на Страшномъ Судѣ котораго

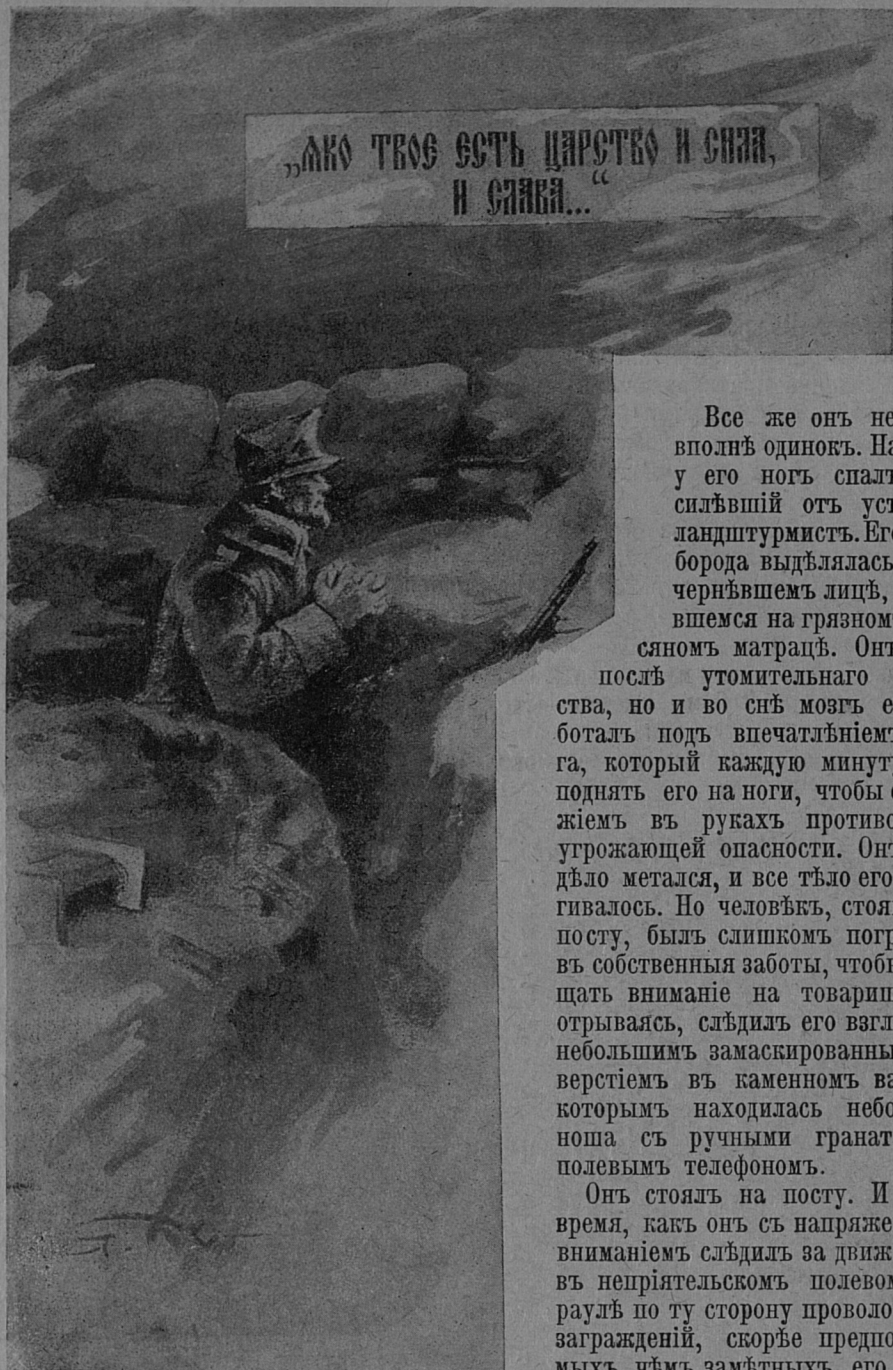
изъ нихъ слова окажутся истинными, тотъ и будетъ моимъ заступникомъ и помощникомъ.

*) Султанъ Мурадъ I (1359—89).

**) Султанъ Баязидъ I (1389—1402).

***) Кяхъ — управляющій, дѣлопроизводитель.

Рассказ НИЛЬСА ЛАГО-ЛЕНКВИСТА.

(Со шведского).

Онъ стоялъ на посту.

Зорко и неослабно изъ подъ стального плеча слѣдили его глаза за неприятельскимъ полевымъ карауломъ, расположеннымъ прямо напротивъ; онъ стоялъ лишь въ тридцати шагахъ отъ первой линіи сторожевого охраненія и каждую минуту его стойкость подвергалась все болѣе жестокимъ испытаніямъ. Кругообразный валъ, окаймлявшій острый уголъ хода сообщенія, былъ похожъ на воронку, образовавшуюся отъ разрыва снаряда. Обломки крупныхъ снарядовъ, попадаая въ каменную стѣну, отрывали клинообразные куски, а верхній край земляного вала былъ изборозженъ пулями, пролетавшими съ визгомъ надъ головой часового. Съ довольно правильными промежутками раздавался короткій, рѣзкій трескъ миномета, а шальная пуля вырывала новую борозду въ окружавшей одинокаго человѣка мѣстности.

Все же онъ не былъ вполнѣ одинокъ. На землѣ у его ногъ спалъ обезсилѣвшій отъ усталости ландштурмистъ. Его сѣдая борода выдѣлялась на почернѣвшемъ лицѣ, покоившемся на грязномъ волосяномъ матрацѣ. Онъ спалъ

послѣ утомительнаго дежурства, но и во снѣ мозгъ его работалъ подъ впечатлѣніемъ долга, который каждую минуту могъ поднять его на ноги, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ противостоять угрожающей опасности. Онъ то и дѣло метался, и все тѣло его подергивалось. Но человѣкъ, стоящій на посту, былъ слишкомъ погруженъ въ собственныя заботы, чтобы обращать вниманіе на товарища. Не отрываясь, слѣдилъ его взглядъ за небольшимъ замаскированнымъ отверстіемъ въ каменномъ валу, за которымъ находилась небольшая ноша съ ручными гранатами и полевымъ телефономъ.

Онъ стоялъ на посту. И въ то время, какъ онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за движеніями въ неприятельскомъ полевомъ караулѣ по ту сторону проволочныхъ загражденій, скорѣе предполагаемыхъ, чѣмъ замѣтныхъ, его мысли шли своимъ чередомъ. Когда онъ прикладывался къ наблюдательной щели, онъ чувствовалъ за спиной какъ бы еле слышную стрѣльбу. Онъ вспоминалъ какъ часто дьявольскія шутки стрѣльбы разыгрывались какъ разъ противъ наблюдательнаго окошечка противника. Когда призматическій бинокль долгія недѣли изслѣдуетъ мельчайшія детали въ брустверѣ, то онъ, наконецъ, находить и наблюдательную щель. Какъ бы мало ни затѣнялась щель глазомъ, это не ускользаетъ отъ наблюдателя. А за этимъ слѣдуетъ обычное продолженіе. Лучшій стрѣлокъ усаживается со своимъ ружьемъ на удобное для стрѣльбы мѣсто и сажаетъ на мушку съ помощью всѣхъ новѣйшихъ приспособленій, наблюдательную щель. Ружье устанавливается въ станокъ и такъ ждутъ спокойно и терпѣливо пока предательская тѣнь не затемнитъ края щели. Тогда раздастся выстрѣлъ, всего лишь одинъ выстрѣлъ и въ окопѣ лежитъ человѣкъ съ прострѣленной головой, корчащійся въ предсмертныхъ судорогахъ.

Вотъ вся исторія отъ начала до конца.

Человѣкъ въ закрытіи почувствовалъ въ вѣкахъ судорожную рѣзь, даже въ самомъ мозгу что то кольнуло, и онъ порывисто приподнялъ голову.

Что случилось? Ничего, это все проклятые нервы. Глазъ снова занялъ свое мѣсто у наблюдательной щели.

Ж-ж-ж, шлепъ! Опять бомба. Она взорвалась съ дьявольскимъ трескомъ, и желтый свѣтъ озарилъ сумракъ.

Вотъ точно два удара кнута—опять его обстрѣливаютъ? Пули отъ маузеровскаго ружья просвистали и съ трескомъ ударились въ каменную стѣнку, за который стоялъ онъ.

Потомъ опять цѣлый часъ тишина.

Онъ считалъ по пальцамъ. Невозможно! Уже 22 мѣсяца, какъ онъ въ бояхъ. Снова началъ онъ считать: разъ, два, три, четыре... двадцать два. Онъ попытался представить себѣ, въ какомъ положеніи онъ находился до военной службы. Какъ это было собственно? Какъ онъ жилъ, что онъ думалъ и чувствовалъ? Прошлое было покрыто какъ-бы тѣневой завѣсой, черезъ которую онъ ничего не видѣлъ. Вдругъ онъ разразился громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ. Онъ смѣялся, пока не захватило духъ. Это былъ въ самомъ дѣлѣ онъ. Онъ, который изо дня въ день стоялъ на покато́мъ полу на сценѣ маленькаго загороднаго театра и жидкимъ, сладкимъ теноркомъ пѣлъ сентиментальныя куплеты или игривыя пѣсенки. Точно во снѣ. Онъ провелъ рукой по лбу и снова послѣдовалъ взрывъ смѣха, точно изнутри его выжимали.

Вылѣзавшіе на лобъ волосы напомнили ему длинныя, черныя, художественныя кудри, которыя раньше опускались до самой шеи, благодаря чему воротникъ былъ всегда замасленъ и блестѣлъ. А спускавшійся на лобъ чубъ... Онъ снова захохоталъ, но напрягъ мускулы лица, чтобы овладѣть собой. Слезы выступили у него изъ глазъ и, самъ того не замѣчая и не будучи господиномъ надъ своими чувствами, онъ разразился долгими рыданіями.

Ж-ж-ж! Опять снарядъ. Осколки каменной просвистали мимо ушей, спящій у его ногъ товарищъ шарахнулся во снѣ.

Теперь онъ вновь былъ солдатомъ на своемъ посту. Взоръ опять рѣзко всматривался въ щель, и онъ чувствовалъ себя вполнѣ мужчиной.

Не было ничего подозрительнаго, только бѣлая дымовая завѣса миномета тяжело стлалась по землѣ, словно она не имѣла силъ подняться.

На Фейти Грибъ,—большой артиллерійской позиціи, гдѣ находилось такъ много батарей, хорошо скрытыхъ, задрожалъ воздухъ,—это заработала тяжелая артиллерія и онъ почувствовалъ надъ головой стонъ тяжелыхъ раскаленныхъ, стальныхъ великановъ, проносившихся на нѣсколько миль дальше. Это былъ обычный ураганный огонь передъ наступленіемъ ночи. Сѣро-голубое осеннее небо было покрыто бѣлыми пушистыми облачками. Вѣтеръ съ удивительнымъ завываніемъ носился по каменистому полю. Тьма окутала землю.

Тамъ, дома, на родинѣ, теперь навѣрное ложились спать. А, можетъ быть, пріятели сидятъ гдѣ-нибудь въ Винтергаузѣ и пьютъ вино. Пиво, вѣдь, теперь было рѣдкостью. Разказы слѣдуютъ одинъ за другимъ съ возрастающей шаловливостью. Разумѣется, они не совсѣмъ приличны... Онъ зналъ вкусы своей компаніи. Къ тому же онъ самъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе всего посвящали себя въ рыцари легкомысленнаго тона.

Но, Боже мой, какъ далеко позади во времени все это лежало. Онъ опять почувствовалъ дикую необходимость задать вопросъ, который давно его мучилъ: дѣйствительно ли это тотъ самый, который съ увлеченіемъ разыгрывалъ любовниковъ на опереточныхъ подмосткахъ въ пригородѣ Вѣны.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ? Теперь сама смерть, въ лицѣ грохочущей артиллеріи, карьеромъ носилась по полю вокругъ него.

Безпрестанно раздавались оглушительные взрывы, и шрапнель осыпала всю мѣстность. Ночью снова полетѣла кровь. Богъ знаетъ, можетъ ли онъ надѣяться на смѣну, а въ ногахъ и въ

головѣ боль отъ невѣроятнаго вниманія во время вахты.

Ночь словно непроницаемой пеленой покрыла все кругомъ. Но сквозь мракъ прорывалась временами фантастическая игра свѣта. Проекторы быстро перебрасывали свои бѣлые потоки свѣта по землѣ и высоко вверхъ, къ самымъ маленькимъ сверкающимъ звѣздочкамъ, вспыхивающимъ точно плутоватымъ, испуганные дѣтскіе глазки.

Стало быть и ночью не будетъ смѣны. Маленькій телефонъ возлѣ него рѣзко затрещалъ, и вотъ онъ слышитъ безконечно далеко отъ себя прерываемый включеніемъ контактовъ голосъ, который кричитъ что-то о наступленіи... подходить... съ запада... частый огонь... пѣхота...

Опять глазъ у наблюдательной щели. Словно въ судорогахъ дрожитъ атмосфера отъ усиливающегося огня. Точно весь міръ, земля и небо лежали въ родильныхъ мукахъ, стонали, ревѣли, проходили и вертѣлись муки страдальца.

Разрѣшится ли? Сама смерть выходитъ изъ открытой утробы.

Человѣкъ на посту стоять весь очо-ченѣвшій, но на лбу выступилъ потъ.

Его щеки блѣдны, губы дрожатъ. Въ его ушахъ звучитъ отчаянный сумбуръ мелодій и военныхъ словъ. Онъ бормочетъ бессознательно какую-то молитву, но замолкаетъ и испуганно озирается, точно чувствуетъ опасность быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія. Онъ осторожно отставляетъ въ сторону ружье, такъ что обѣ руки его свободны. И въ то время, какъ мозгъ горитъ подъ впечатлѣніемъ веселыхъ мелодій и салютныхъ куплетовъ, которые вертятся въ усталой головѣ,—онъ складываетъ руки и поднимаетъ голову къ небу. Онъ слышитъ, что вполголоса читаетъ что-то, но самъ не даетъ себѣ отчета, что именно. Это можетъ быть, игривая пѣсенка, которая борется въ его груди съ чѣмъ то непонятнымъ, что тоже просится наружу, но, услышавъ свои послѣднія слова, онъ понялъ: «Яко Твое есть царство и сила, и слава». А кругомъ неистово бушуетъ огненная смерть.

Перев. Д. У.

Со ту сторону...

Разказъ А. АУСЛИ РОССЕРЪ.
(Съ англійскаго).

И такъ интересная игра приходитъ къ концу, дѣло принимаетъ рѣшительный оборотъ. Хэрдманъ чувствовалъ легкое раздраженіе, что подъ давленіемъ женской воли ему приходится мѣнять свою жизнь.

Но давленіе это не было ни грубымъ, ни безтактнымъ. Женщина дѣйствовала незамѣтно и съ большимъ умѣніемъ. При мысли объ этомъ Хэрдманъ задумчиво улыбнулся. Ухватки Софіи были, въ сущности, такъ банальны, но онъ дѣйствовалъ на него, потому что онъ любилъ ее. Въ этомъ-то онъ былъ увѣренъ.

И въ то же время, онъ чувствовалъ легкое презрѣніе къ такимъ женщинамъ, какъ Софія. Онъ безусловно обаятеленъ и желанны, но не представляютъ особаго интереса. Это воплощеніе вѣчной женственности.

Но то, что Хэрдманъ такъ хорошо понималъ Софію, нисколько не вліяло на его любовь къ ней. И до сихъ поръ только мысль о Дороті мѣшала ему рѣшиться на женитьбу.

Три года тому назадъ умерла жизнерадостная, прелестная подруга его ранней зрѣлости и первая острота потери теперь уже перешла въ одно воспоминаніе. Онъ уже не тосковалъ по ней больше, но чувство какой то связи съ ней все еще жило въ его душѣ. Онъ до сихъ поръ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что она его жена и имѣетъ на него извѣстныя права. И, думая о Дороті, ему приходило въ голову, что второй бракъ съ его стороны является некрасивымъ поступкомъ по отношенію къ памяти умершей жены. Его мучилъ вопросъ, что бы сказала на это Дороті. Она была женщиной безъ предрасудковъ и могла разсуждать обо всемъ, не касаясь личностей.

Къ возлюбленной.

(Со шведскаго).

Какъ тяжело бродить по этимъ переулкамъ,
Гдѣ я съ возлюбленной, бывало, проходилъ,
И не жестоко ли, что тотъ, кто счастья
разъ достигъ,
Ограбленный стоитъ съ пустыми вновь руками.

Изъ одиночества всенгъ возвращается мечта
Обратно иногда въ желанную страну,
Давно оборванную связываетъ нить
И силою волшебной зажигаетъ пламя.

Невѣчно все! Передъ высокимъ домомъ
Горѣлъ когда то тускло уличный фонарь,
Но онъ погасъ и не горитъ ужъ болѣе...

И вновь отъ скорби рвется мое сердце.
Въ тоску зову тебя ночной порой,
Тебя, возлюбленная, спящую средь мертвыхъ!

ГВИДО ВАЛЕНТИНЪ.

И такъ много думалъ надъ этимъ вопросомъ Хэрдманъ, что ему стало казаться невозможнымъ жениться на Софіи, не зная мнѣнія Дороти объ этомъ его поступкѣ.

При жизни Дороти была настоящей язычницей и смѣялась надъ его вѣрой въ загробную жизнь. Казалось бы, что ея свободомысліе освобождало его теперь, послѣ ея смерти. Но Хэрдманъ слишкомъ ярко помнилъ еще, какъ при жизни жены они казались другъ другу нераздѣльнымъ, единымъ существомъ, какъ сильна и безгранична была ея любовь. И воспоминанія эти были далеко не выгодны для Софіи. О, Дороти никогда не измѣнила бы ихъ любви, и, кто знаетъ, не хранилъ-ли ея душа гдѣ-то тамъ, «по ту сторону», эту любовь, какъ самую большую драгоценность!

Хэрдманъ не былъ ни религіозенъ, ни сентименталенъ, но постоянная мысль о Дороти за последнее время опять разбудила въ его душѣ былую тоску объ ушедшей подругѣ.

Кто знаетъ, не встрѣтятся ли они когда-нибудь съ Дороти? А Софія? Его насмѣшливый умъ подкашивалъ ему, что при такой встрѣчѣ Дороти разсмѣялась-бы пикантности положенія, а Софія, увы! не сумѣла бы выйти изъ него съ честью.

Онъ теперь часто заходилъ въ комнату покойной жены. Съ письменнаго стола Дороти, навстрѣчу ему, улыбался ея портретъ. Когда-то онъ считалъ его очень похожимъ; теперь онъ приводилъ въ смущеніе Хэрдмана. Ея глаза положительно вопрошали о чемъ-то. Ему казалось, что это былъ не портретъ, а сама Дороти вернулась, чтобы посмѣяться надъ нимъ.

Нѣжная улыбка на портретѣ становилась все задорнѣе, когда онъ смотрѣлъ на него. Именно такъ смотрѣла она на него, когда онъ спрашивалъ ея мнѣнія по какому-нибудь вопросу.

— Нѣтъ, что ты думаешь объ этомъ? — отвѣчала она вопросомъ на вопросъ и поддразнивала его тихимъ смѣхомъ.

Вотъ и теперь она точно дразнила его.

— Нѣтъ, что ты думаешь объ этомъ? — говорилъ лукаво портретъ.

Вещи на ея столѣ, интимныя мелочи ея жизни, оставались нетронутыми до сихъ поръ. Но это не было слѣдствіемъ его сентиментальности. Просто некому было слѣдить за порядкомъ въ домѣ. И теперь знакомая атмосфера комнаты Дороти охватила его съ прежней силой, ему казалось, что сейчасъ онъ услышитъ ясный голосъ жены.

На письменномъ столѣ лежала потерянная книжка, въ зеленомъ бархатномъ

переплетѣ. Хэрдманъ заглянулъ въ нее, это были стихи. Дороти никогда не любила стиховъ, но эту книжку она очевидно часто читала. На заглавномъ листѣ Хэрдманъ прочелъ имя Чарльса Уэнтуорса. Молодой поэтъ, когда-то влюбленный до безумія въ Дороти, посвящалъ эту книжку стиховъ еще Дороти Юнгъ, — его женѣ, бывшей Юнгъ до замужества.

Хэрдманъ постарался вспомнить, что онъ слышалъ объ этомъ Уэнтуорсѣ. Писатель, потомъ издатель какого-то журнала, это онъ помнитъ. Но гдѣ еще встрѣчалось ему это имя? Еще совсѣмъ недавно?

Вдругъ Хэрдманъ вспомнилъ. Этотъ человѣкъ недавно умеръ и онъ читалъ

Быть можетъ, она его вспомнитъ, быть можетъ, забудетъ... Онъ взглянулъ на ея портретъ, но смѣющиеся глаза по-прежнему спрашивали его:

«Нѣтъ, что ты думаешь объ этомъ?»

И вдругъ Хэрдманъ превратился въ безразсуднаго, властнаго самца. Дороти ушла отъ него, куда-то совсѣмъ одна. Но одна ли она? А куда онъ ушелъ? Хэрдманъ внимательно всмотрѣлся въ отбитку, сдѣланную Дороти въ книгѣ стиховъ. Такъ она предлагала ему забыть ее, если онъ хотѣлъ, и сама, можетъ быть, стала свободной отъ всякаго чувства! Что случилось съ Дороти за эти три года. Со свободной отъ всѣхъ путъ душой, свободной слиться съ другой душой, быть можетъ, съ нимъ, который...

Хэрдманъ былъ сдержанный человѣкъ, но тутъ онъ съ проклятіями вырвалъ заглавный листокъ изъ книжки и скомкалъ его. Потомъ съ угрозой повернулся къ портрету жены. Конечно, она смѣялась надъ нимъ въ надвигающихся сумеркахъ. Она была гдѣ-то тамъ, съ нимъ вдвоемъ. Что они дѣлали?

Съ проклятіями Хэрдманъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Я узнаю, — бормоталъ онъ, — я узнаю сегодня же...

Въ домѣ было очень тихо, когда прозвучалъ выстрѣлъ. А въ комнатѣ, гдѣ жила когда-то Дороти, нѣжный вѣтерокъ игралъ листами книжки, переплетенной въ зеленый бархатъ.

Нѣкоторое время спустя полицейскій, вызванный на мѣсто несчастнаго случая, замѣтилъ страницу на которой была открыта книга. «Часто такія мелочи играютъ большую роль», подумалъ онъ про себя. Но глаза женскаго портрета на письменномъ столѣ слѣдили за нимъ, какъ это часто бываетъ съ нѣкоторыми портретами, и задорно смѣялись, когда онъ переписывалъ въ свою записную книжечку подчеркнутыя строки:

«Когда мы оба съ тобой уйдемъ по ту сторону, — Ничто не измѣнится отъ этого въ мірѣ!»

Перев. А. Д'Анволь.

* * *

Какъ вечеръ длителенъ и нѣженъ, и прозраченъ!
Какъ взоры глубоко проникнуть могутъ въ даль!
Какъ мало чувствуешь, что яркій день утраченъ!
И такъ легко душѣ! И такъ свѣтла печаль!
Вечерній кроткій часъ. Святая безтревожность.
Пусть жизнь заботъ, борьбы такъ тяжела порой,
Но сладко чувствуешь, что въ мірѣ есть покой! —
Забвенія всѣхъ мукъ великая возможность.

Филаретъ Черновъ.

«...Хэрдманъ съ проклятіями вырвалъ заглавный листокъ изъ книжки и скомкалъ его; потомъ съ угрозой повернулся къ портрету жены...»

объ этомъ въ газетѣ. Бѣдняга! Такой молодой, какъ писали, и талантливый.

Машинально перелистывая книгу, Хэрдманъ нашелъ отбитку, сдѣланную энергичнымъ почеркомъ Дороти:

«Когда я умру, дорогой мой...» — прочиталъ Хэрдманъ и невольно вздрогнулъ. — Вотъ ея отвѣтъ!

«Когда я умру, дорогой мой,
Не пой грустныхъ пѣсенъ по мнѣ.
Если хочешь, помни,
Если хочешь, забудь меня!»

Такъ вотъ слова, которые понравились ей въ этой книгѣ, вотъ, что она думала о смерти! Вотъ ея отвѣтъ. Онъ долженъ былъ ждать этого отъ благородной, разсудительной Дороти.

Хэрдманъ прочелъ дальше:

«Я не увижу тѣней.

Я не почувствую дождя.

Быть можетъ, я тебя вспомню.

Быть можетъ, забуду тебя».

Вотъ она, прежняя задорная Дороти!

и гнили Гребного поля тогда взрастили гигантскія вилки сочной рассыпчатой капусты, помидоры, пупырчатые огурцы. Теперь предпримутъ выгонку раннихъ овощей, чтобы поскорѣе накормить населеніе.

Въ Лѣсномъ и Новой Деревнѣ и нынче можно видѣть, за сѣрыми заборами, въ притынкѣ между сѣно-валомъ и домомъ, разбитую полоску.

Домовладѣлецъ въ лѣтней чесунчѣ и съ пальто въ накидку, въ землѣ—по локоть, копается въ грядкахъ.

Мать и дѣти «охотятся» на улицѣ, у воротъ, за навозомъ.

* * *

На окраинахъ Петрограда зашевелились домовые кооперативы, въ особенности «распределительные пункты».

Раздаютъ сѣмена. Въ очереди тутъ стоятъ не за хлѣбомъ, а за пылцею какой-нибудь «фридландской петрушки» или капусты—«сафой».

— Вы, Степанъ Васильичъ, зачѣмъ стоите въ череду?

— Да вотъ, ищу самое... какъ сказать... самое «скороспѣльное».

— Скороспѣлку? Такъ! А что именно? Капустку? Рѣпку?

— А это, милый, мнѣ все едино. Лишь бы семейство въ сытость произвести.

Старушка въ бурнусикѣ шамкаетъ гробовымъ голосомъ:

— А нельзя ли скороспѣльную цикорію, батюшка, домовый предѣлатель?

Надъ старой добродушно потѣшаются:

— Вамъ жженный цикорій посвятить, что ли?

Другой перебываетъ:

— Возьмите мокко. Засѣте кофе...

Смѣхъ. Оживленіе.

* * *

По барскимъ квартирамъ нынче пошелъ съ новымъ промысломъ новый всеѣмъ человѣкъ.

Вывѣдаетъ хорошенько—какія собаки на дому.

Если ульмскій догъ или нью-фаундлендъ, или сенбернардъ, войдетъ, деликатно откашливается и скажетъ:

— Сударыня, какъ вамъ трудно прокормить—такую громадную «вродѣ животную», такъ я готовъ у васъ помѣсячно состоять въ поставщикахъ. Кости, супы, мясо разное!!!

— Откуда вы возьмете? Люди голодаютъ, а собаки и подавно!

— Наша-съ забота-съ, — уклончиво скажетъ собачій дѣлатель.

— Да вы не сумлевайтесь! Заплатите послѣ! Мнѣ-бы только заказъ получить.

— Сколько будетъ стоить?

— Пятьдесятъ «ликовъ» въ мѣсяцъ,

ежели не будетъ вамъ жалко. Двухъ рублей въ день не выходитъ, а вы ста-

нете его, облома, кормить, десятку ему пролопаете!

Получивъ разрѣшеніе принести образчикъ собачьяго меню, ньюфаундлендскій кормилецъ и поилецъ идетъ къ своему товарищу, обходящему задніе дворы, гдѣ можно добыть прошлогодною кость, потомъ къ другому «пайщику» предпріятія, работающему по кухнямъ большихъ ресторановъ, и, собравъ кость, телячье голце, требушину, обрѣзки говяжьей пашины и отгонковъ, варитъ невообразимый бульонъ, густо и дрянно отдающій гниlostью.

Снимаетъ пѣну, грѣпко солить и въ жестяной бадейкѣ разноситъ порціи по барскимъ квартирамъ.

Догъ и бульдогъ ничуть не обижаются на тухлятинку и уписываютъ за обѣ собачьи щеки...

* * *

Неподалѣку отъ лавры, въ не-возможно-грязномъ переулкѣ, въ который пивной темной струей стекаетъ навозъ, растопившійся съ бурнымъ снѣгомъ, въ рядѣ подваловъ лежатъ тифозные.

Врачи этого района въ отчаяніи.

Въ темной щели-квартирѣ, обрисованной по потолку всѣми выступами и поворотами лѣстницы, сидитъ у постели умирающаго врачъ.

На лицѣ врача написана безнадежность.

На лицѣ больного написана послѣдняя судорога жизни.

Вмѣстѣ съ врачами мнѣ приходилось спускаться въ такіе полусклены и чувство мучительное охватывало меня.

Разговорились съ врачомъ. Оказывается, многіе сердобольные врачи, находящіе, что голоднаго человѣка почти нельзя вылечить, открыли у себя въ пріемной нѣчто вродѣ прилавка по пріему съѣстныхъ пожертвованій.

Старые признательные пациенты свозятъ со всѣхъ концовъ Питера въ кулкахъ и рогожныхъ картузахъ остатки нищи, отрывки сухарей, а сердобольныя супруги врачей весь день жарятся у плиты, преображая питательную мѣшанину въ кашницу.

Сколько жизней спасено благодаря этой мѣрѣ!

При мнѣ въ одинъ изъ затекшихъ подваловъ, пахнущимъ конскимъ стойломъ, принесли въ синемъ эмалированномъ судкѣ такого сѣраго мѣсива.

Тяжко было глядѣть какъ жадно и съ какой то вѣрой, точно бальзамъ глоталъ полусведенный, умирающій, поспѣлый ротъ съ ложки эту аморфную, текучую массу...

* * *

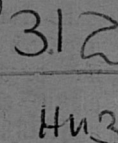
Такъ живетъ подвалъ во дни до-стигнутыхъ или во всякомъ разѣ

«полудостигнутыхъ» всечеловѣческихъ идеаловъ...

Авгурь.

1. ПАДУБНЫЙ
НОМЕРЪ НА ПАРКЕТЪ

ПАНЦЫ ПОДЪ ДУХОВНЫЙ
ОРКЕСТРЪ
ДО 3-ХЪ ЧАС. НОЧИ
СВѢТЪ ГАРАНТИРОВАНЪ.

② ПАНЕЦЬ „БЪЖЕНКА“.

⑤ Диринсеръ
ОБЪЯВЛЯЕМЪ
О ПРИЗН.

④ Онъ не
манцуетъ

⑤ Костюм "Дайте мне мужа"

⑥ Фасонъ Сверхъ-бриджн.

РПС. А. КОСЫНИН⁷²
1918.

Публичный бал-маскарад с призами за красоту и за танцы, в том числе и за рожденную войной „бывженку“. Посетители — солдаты, матросы и „вольные“.

Афиша скопирована съ вывѣщенной на казенномъ зданіи, гдѣ устраивались вечера.